

Дина Васильевна Якшина Прогулки по Кёнигсбергу

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11634179

*Прогулки по Кёнигсбергу : [альбом]/ Дина Якшина; худ. С. Федоров: Живем; Калининград; 2010
ISBN 978-5-903400-09-6*

Аннотация

Более 10 лет в газете «Новые КОЛЁСА Игоря РУДНИКОВА» под рубрикой «Прогулки по Кёнигсбергу» печатаются статьи, посвящённые истории нашего города. Из более чем 500 очерков-прогулок для книги мы выбрали 34 – грустных и весёлых, трагических и эпических.

В главах – зарисовки обычаев и быта кёнигсбержцев, основанные на исторических фактах, легендах и преданиях: мода и архитектура, полиция, военные и пожарные, рестораны и кафе, университет и школы, историческая связь Кёнигсберга с Россией и многое другое...

Фотографии Кёнигсберга и иллюстрации художника С. Фёдорова, сделанные специально для этой книги, дадут нам возможность представить этот город-«Атлантиду».

Содержание

Что такое «Прогулки по Кёнигсбергу»?	8
Кёнигсберг и Кнайпхоф	11
Остров наместника	12
Тучный Купидон	13
Прегельская арка	14
Сапожник Ганс Заган	15
Улица Хлебных Лавок	16
Дурак не унесёт	17
«Вспомню Москву, – так бы сжёг её...»	18
Колокол «Иоганнес»	19
Иоанн-креститель	20
«Встреча на Эльбе»	22
Сердце Кёнигсберга	24
Хуфен	24
Луизенваль	25
Амалиенау	26
Тиргартен	28
Бегемот Ганс	29
Кинотеатр «Скала»	30
Обломок «Атлантиды»	31
Семь мостов Кёнигсберга	33
Зря топтать башмаки	34
Лавочный, Зелёный и Кузнечный	35
Потроховый, Высокий и Деревянный	37
Императорский и Медовый	38
Железнодорожный и Берлинский	39
Монстр поперёк проспекта	40
Каменная дамба Кёнигсберга	42
Язычники и король	43
«Запри этот край от бунтовщиков»	44
«Порядочная церковь»	45
Поставить крест вместо петуха	46
Помои из окон на улицу...	47
Начальник комендатуры	48
Кёнигсберг и Альбертина	50
«Проглотить дьявола»	51
Карцер для студентов	53
Профессорский склеп	54
На Парадную площадь	56
Женские фигуры	57
В секторе обстрела	58
За колючей проволокой	59
Диплом Атлантиды	60
Кёнигсберг и Новый год	62
«Бесовские игрища»	63
«С высоты небес»	64

«Сливовый мелок»	65
«Творожный упрямец»	66
Марципаны, флек и клопсы	67
До полного изумления	69
«За тех, кого с нами нет»	70
Брачные узы Кёнигсберга	72
Письма утопленника	72
В постели «подлой девицы»	73
Разрешение на брак	74
При дворе императрицы	75
Бах против бессонницы	76
Китобой, геолог, философ, шпион	77
Юный Кант и графиня	78
«Обиталище Муз»	79
Увлечена Россией	81
«Мы дошли до твоей могилы!»	83
Станный человек	84
Разрушить ворота Крумме-Грубе	85
Свиньи резвились в центре города	86
«Пристанище пиетистов»	87
Философская дамба	88
Стеклянная стена	89
Карты, деньги, два шара	90
Холостяк, но не девственник	91
Русский подданный Иммануил Кант	92
Петух, изгнавший философа	93
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Дина Якшина

Прогулки по Кёнигсбергу

Благодарим Областную клиническую больницу, музей «Фридландские ворота» за предоставленные фотоизображения Кёнигсберга

Материалы для издания предоставлены газетой «Новые КОЛЁСА Игоря РУДНИКОВА»

© Д. Якшина, 2010

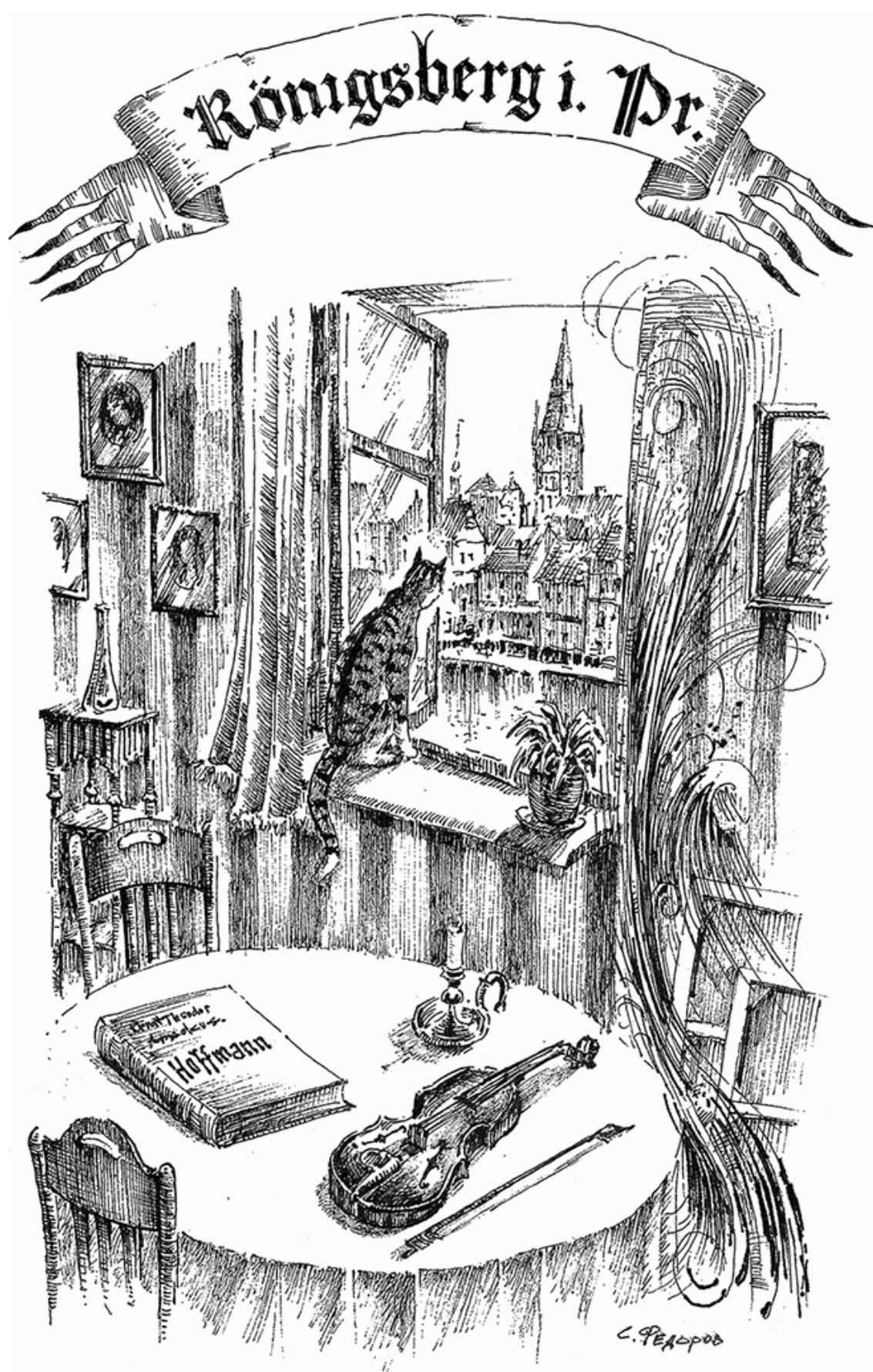
© С. Фёдоров, художник, 2010

© Газета «Новые КОЛЁСА Игоря РУДНИКОВА», 2010

© ООО «Живем», составление, оформление, 2010

* * *

Что такое «Прогулки по Кёнигсбергу»?

Конечно же, это не путеводитель по «историческим местам» – скорей, поиски Атлантиды, здешней, своей. Это – объяснение в любви, написанное по-русски готической вязью. Хрустальная мечта, прянично-марципановые грёзы, рождественские сны об исчезнувшей цивилизации... Это – ОБРАЗ ГОРОДА.

Японцы, переведя на свой язык ИСТОРИЧЕСКИЙ роман Пушкина «Капитанская дочка», назвали его «Сон бабочки, порхающей вокруг цветка». Можно ли сказать, что они погрешили против истины? Или истина открылась им с какой-то своей – особенной – стороны?..

У каждого, кто родился и вырос в Калининграде, кто приехал сюда недавно, – свой Кёнигсберг. Свой образ, в котором смешалось решительно всё: черепичные крыши, ветер и дождь, запах мокрой сирени за окном, сказки Гофмана, занавески в крупную красную клетку, фарфоровая балерина, стоявшая некогда на чьём-то камине, бронзовые, потускневшие от времени дверные ручки, умильное МУРРчание кота, булочки с корицей и тмином, горячий кофе – и «шмайсер» под кроватью. А главное – непоколебимая уверенность в том, что Кёнигсберг-Калининград исключителен, неповторим и парадоксален, другого такого города ПРОСТО НЕТ.

Мы «гуляем» по нашему городу много лет. Нас «сопровождали» самые разные люди – всем им большое спасибо. Но главные наши спутники – читатели. Живущие с нами на одной волне. Им, в первую очередь, и адресована эта книга.

Дина Якшина

Кёнигсберг и Кнайпхоф

Здесь Петра Великого впервые одолела мечта о Санкт-Петербурге

Вы не боитесь призраков? Тогда прогуляемся по Кнайпхофу (ныне остров Центральный, или, неофициально, – остров Канта). Это странный, почти мистический остров. От одноимённого города, появившегося на нём в начале XIV века и впоследствии густо населённого, остались лишь Кафедральный собор и – воспоминания.

Хотя по-немецки «кнайпе» означает «кабак», с кабаками и прочими питейными заведениями название «Кнайпхоф» никак не связано. Оно восходит к старопрусскому слову «книпав», которым пруссы именовали болотистые окрестности долины древней реки.

Остров наместника

Остров Кнайпхоф образовался из наносного песка. Омывают его северный (земландский) и южный (натангский) рукава Прегеля. Кстати, первоначально он фигурировал в исторических документах как Фогтевердер. «Фогт» – наместник, «вердер» – островок, осушенный участок.

Остров был в распоряжении наместника Тевтонского ордена. Там располагались выпасные луга Альтштадта (возникшего раньше, в 1286 году).

А ещё альтштадтцы свозили на остров мусор. Не случайно первый мост, соединивший Кнайпхоф с Альтштадтом, назывался Кремербрюкке – Навозной (он же чаще именуется Лавочным).

По обеим сторонам и Лавочного и Зелёного мостов, как грибы после дождя, росли поселения торгового люда. Через Кнайпхоф и Грюнебрюкке (Зелёный мост) можно было с юга попасть в Старый город.

В 1327 году в восточной части острова было решено построить резиденцию епископа. И 6 апреля Верховный магистр Тевтонского ордена Вернер фон Орзельн даровал жителям-«островитянам» грамоту «Хандфесте», то есть городские права.

Благодаря своему «автономному» расположению, Кнайпхоф – вплоть до 1724 года, когда три города (Кнайпхоф, Альтштадт, Лёбенихт) объединились в Кёнигсберг, – развивался самостоятельно. На плане отчётливо видно, какая ровная сетка улиц покрывала Кнайпхоф, – тогда как в Альтштадте и Лёбенихте улочки извивались змейками: там приходилось при постройке домов учитывать особенности рельефа.

Альтштадт считался аристократическим местом, там охотно селились королевские придворные, родовитые дворяне... В Лёбенихте жители занимались преимущественно сельскохозяйственным трудом. В Кнайпхофе были сосредоточены судовладельцы и купцы.

Тучный Купидон

Существовала даже поговорка: «Альтштадт – это власть, Лёбенихт – земля, Кнайпхоф – роскошь». Не случайно герб Кнайпхофа представлял собой зелёное поле, на нём – вздымающаяся над серебряными и лазурными волнами рука в лазоревом рукаве, держащая золотую корону. По бокам – два золотых охотничьих рожка. Позже появятся два медведя-щитодержателя...

Корона указывала на короля Оттокара, основателя Кёнигсберга, волны обозначали обособленно-островное положение города, способствующее развитию морского дела и торговли – двух «китов», на которых держалось благополучие города.

Как все города на землях, принадлежавших Ордену, Кнайпхоф был рассчитан на определённое количество жителей. Известно, что территория, отведённая под город, изначально была размечена как крупноячеистая решётка (где ячейки обозначали дворовые пространства). Увеличивать (или уменьшать) площадь одной застройки за счёт другой категорически запрещалось. Поэтому все дома были однотипными.

Плотно прилипшие друг к другу, рассчитанные на один подъезд, с узкой, тесной лестницей, ведущей наверх, и узкими высокими фасадами, дома отличались только декором. Купцы особенно любили украшать фасады своих домов аллегорическими фигурами. Причём на пять фигур «античных» богов и героев непременно приходился один тучный Купидон – состоятельные жители Кнайпхофа могли позволить себе это проявление сентиментальности, воплощённое в песчанике и алебастре.

Кстати, все дома в Кнайпхофе строили на дубовых сваях, которые забивали в землю так, чтобы достичь твёрдого грунта. Почва-то была чрезвычайно болотистой!

Прегельская арка

В 1355 году под руководством маршала Ордена Генриха Шендекопа вокруг Кнайпхофа были возведены городские стены – хорошо укреплённые, высотой в два с половиной метра. Наличие разводных мостов (а в дальнейшем к Лавочному и Зелёному добавились Кузнечный (Шмидебрюкке) и Потроховый (Кёттельбрюкке)) обеспечивало кнайпхофцам хорошую связь с Альтштадтом, с одной стороны, и Форштадтом и примыкающим к нему Хабербергом – с другой.

Ворота в городских стенах располагались напротив мостов, по часовой стрелке: Кремертор (Купеческие ворота, были снесены в 1752 году), Шмидетор (Кузнечные – снесены в 1736-м), Домбрюккентор («домбрюкке» – соборный мост; снесены в 1739-м), Хёнигтор (или Кирхентор, неподалёку от кирхи – церкви), Кёттгельтор («кёттель» – требуха, внутренности).

Также имелась Прегельбоген – «прегельская арка» – между двумя домами на южном берегу (она сохранилась до 1945 года).

А самыми роскошными, по общему мнению, были Зелёные ворота (Грюнетор) в южной части острова. В конце XVI века над ними была выстроена высокая восьмиугольная башня (в 1864 году сооружение снесли при расширении Кнайпхёфше Ланггассе – самой важной на острове улицы, по совместительству – торговой дороги, которая связывала Альтштадт и Форштадт).

На южном берегу острова имелись ещё три мощные башни. Наиболее известна из них – Голубая. Первоначально она была круглая, но с острым готическим верхом.

Сапожник Ганс Заган

Голубая башня утратила свой острый готический верх в 1879 году, но в «усечённом» виде, с плоской крышей, просуществовала до 1944 года. И была разрушена во время налёта английской авиации.

Между городскими стенами и водами Прегеля оставалась свободной прибрежная полоса – здесь могли швартоваться суда (а зимой их здесь же затаскивали на сушу).

На Кнайпхофе не было рынка как такового: в качестве рыночной площади использовался участок Бродбэнкенштрассе перед ратушей, а наиболее бойкая торговля велась всё на тех же набережных.

Забавный факт: большинство евреев Кёнигсберга селились именно в Кнайпхофе – несмотря на то что ремесленники были стеснены в правах, а купцам запрещалось складирование товаров на городских складах.

Герой Кёнигсберга – сапожник Ганс Саган (Заган) – тоже имел еврейское происхождение. Он прославился в 1370 году. Тогда литовские войска решили захватить Кёнигсберг. Решающая битва состоялась при Рудау (ныне посёлок Мельниково, Зеленоградского района). Руководил войском рыцарей и ополчением трёх городов уже упоминавшийся маршал Ордена Генрих Шендекоп. В сражении он погиб. А раненный в ногу Ганс Заган подхватил упавшее орденовое знамя и повёл войска в атаку.

Литовцы были разбиты. А сапожник (по некоторым сведениям – подмастерье сапожника) получил за свой подвиг, во-первых, дворянскую приставку «фон»; во-вторых, ему была дарована привилегия: каждый год в день Вознесения Христова он мог поить пивом в Кёнигсбергском замке кого пожелает. В любых количествах...

Улица Хлебных Лавок

По случаю 200-летнего юбилея города гильдией сапожников был учреждён памятник Гансу фон Загану. По итогам конкурса победителем был признан скульптор Эрнст Филитц: он предложил изваять фигуру сапожника из цветного искусственного камня. Маленькие человечки, высеченные на цоколе сбоку, с грубым комизмом иллюстрировали «право отве- дывать вкус пива», дарованное Спасителю Кёнигсберга.

Памятник украшал фасад Кнайпхофской ратуши до 1934 года. После прихода к вла- сти нацистов он был признан «вырожденческим искусством» и разрушен. Возможно, ещё и потому, что наци не могли простить фон Загану его неарийской крови.

О том, что население Кнайпхофа составляли преимущественно купцы и ремесленники, свидетельствуют и названия улиц: Кузнечная, улица Хлебных Лавок, Кнайпхофский Длин- ный переулок и т. д.

Дурак не унесёт

Кнайпхоф действительно процветал. В 1697 году, когда Кёнигсберг посетило Великое Русское посольство, именно на острове, в доме купца Нагеляйна, останавливался царь Пётр. Дом купца располагался на юго-западной оконечности острова и имел отличительную особенность: маленький крытый балкон, полукругом охватывавший угол здания. В дальнейшем, посещая Кёнигсберг, Пётр I всегда останавливался у Нагеляйна, а купец со временем был избран бургомистром. (Дом сохранялся в первозданном виде до 1890 года, потом его перестроили, убрав балкон и прочие «архитектурные излишества». Но стены были живы вплоть до апреля 1945-го.)

Интересно вспомнить, как описывает первый визит Петра в Кёнигсберг Алексей Толстой (плотно работавший с историческими источниками) в романе «Пётр Первый»:

«В лучшей части города, в Кнайпхофе, для гостей был отведён купеческий дом. Въехали в Кёнигсберг в сумерках, колёса загремели по чистой мостовой. Ни заборов, ни частоколов – диво! Дома прямо – лицом на улицу, рукой подать от земли – длинные окна с мелкими стёклами. Повсюду приветливый свет. Двери открыты. Люди ходят без опаски... Хотелось спросить: да как же вы грабежа не боитесь? Неужто и разбойников у вас нет?

В купеческом доме, где спали, – опять – ничего не спрятано, хорошие вещи лежат открыто. Дурак не унесёт. Пётр, оглядывая тёмного дуба столовую, богато убранную картинами, посудой, турьими рогами, тихо сказал Меньшикову:

– Прикажи всем настрого, если кто хоть на мелочь позарится, – повешу на воротах...

– И правильно, мин херц, мне и то боязно стало... Покуда не привыкнут, я велю карманы всем зашить... Ну, не дай бог с пьяных-то глаз...»

«Вспомню Москву, – так бы сжёг её...»

Кстати, если верить Алексею Толстому, именно тому, первому, посещению Петром Кёнигсберга Россия обязана... появлением Санкт-Петербурга.

«Пётр и Меньшиков вылезли из дормеза, разминая ноги.

– А что, Алексашка, заведём когда-нибудь у себя такую жизнь?

– Не знаю, мин херц, – не скоро, пожалуй...

– Милая жизнь... Слышь, и собаки здесь лают без ярости... Парадиз... Вспомню Москву, – так бы сжёг её...

– Хлев, это верно.

– Сидят на старине, – жопа сгнила... Землю за тысячу лет пахать не научились. <...> К Балтийскому морю нам надо пробиваться, вот что... И там бы город построить новый – истинный парадиз...»

Так что Кёнигсберг – не только «родина слонов» и электричества, но и место, где Петра Великого впервые одолела мечта о Северной Пальмире (есть чем гордиться не только перед москвичами, но и перед питерцами!).

Колокол «Иоганнес»

У Кнайпхофа никогда не было собственной церкви. Поэтому архитектурной, культурной и нравственной доминантой Кнайпхофа стал Кафедральный собор. Днём его основания считается 13 сентября 1333 года.

Собор был – и это являлось достаточной редкостью – и епископской и городской церковью одновременно. И только после Реформации его передали Кнайпхофу в качестве общинной церкви.

Своей концепцией (опять-таки говоря современным языком) он обязан гроссмейстеру Тевтонского ордена Лютеру Брауншвейгскому, который забраковал идею собора-крепости. «Незачем строить вторую крепость на расстоянии полёта стрелы от Замка», – сказал он.

Под фундамент «штатского» (в смысле, лишённого оборонительной функции) сооружения было забито более тысячи дубовых свай. Первым строителем собора стал епископ Иоганнес Кларе – и в его честь большой соборный колокол будет наречён «Иоганнесом».

Стены собора изнутри были покрыты фресками и гербами. Иметь здесь изображение своего фамильного герба считалось престижным. (Стоит ли удивляться, что очень скоро внутри собора не осталось ни одного «пустого» места на стенах.) И рисовать очередные гербы приходилось на деревянных щитах, которые вывешивались в храме поверх старых изображений.

Ещё престижнее было «похорониться» в соборе. Усыпальницы знатных горожан, плиты с выбитыми на них эпитафиями – всё это, надо думать, впечатляло. Кстати, людская память коротка (хотя немецкая, безусловно, куда прочнее нашей): по завещанию названного выше Лютера Брауншвейгского, возле его могилы в соборе должна была постоянно гореть свеча.

Иоанн-креститель

Но... свеча горела недолго. А впоследствии забылось и место, где конкретно был похоронен гроссмейстер Тевтонского ордена. Тем более что в 1523 году в центре клироса Иоганнес Брисман, личный посланник Мартина Лютера, прочитал первую лютеранскую проповедь в Кёнигсберге. Так началась Реформация в Восточной Пруссии.

В 1591 году в соборе появился удивительный алтарь: распятие было установлено таким образом, что Христос как бы парил над капителью, возвышаясь до самого свода. В центре алтаря располагалась фигура Бога-Отца, за ним стояли Моисей и Иоанн-креститель. Все скульптурные изображения были выполнены из позолоченной меди – и будто бы к ним приложил свою руку Крапах-младший.

Имя создателя первого органа – неизвестно. История сохранила лишь сведения о том, что за свою работу он получил 4 марки на покупку плаща. Потом орган неоднократно менялся, делаясь всё мощнее и мощнее. А вокруг собора постепенно складывался целый городок священнослужителей... который плавно перетекал в «университетский городок»: ведь именно на острове был построен университет, получивший название Альбертина.

Зелёный мост и Северонемецкое кредитное учреждение

Набережная Кнайпхофа (юго-восточная часть), 1930 год

Герцог Альбрехт повелел хоронить университетских преподавателей у стены собора – и последнее захоронение в профессорском склепе состоялось в 1804 году. Иммануил Кант – вот кому выпала эта честь.

Потом, в 1880 году, будет построена часовня Канта, которую в 1924 году снесут – и воздвигнут вместо неё колоннаду по проекту архитектора Фридриха Ларса.

Кстати, с ней будет связан ещё один «кёнигсбергский миф»: якобы нацистский доктор Розенберг, автор «медицинской» теории о превосходстве арийской расы, специально... доставал череп Канта. И обмерял, дабы убедиться в его соответствии эталону истинно арийского происхождения. На самом деле «обмер черепа» был невозможен: в 1880 году останки Канта положили в оловянный гроб, который, в свой черёд, был вставлен в гроб металлический, накрыт базальтовой плитой, сверху которой было водружено надгробие.

«Встреча на Эльбе»

Отдельного упоминания достойна знаменитая ратуша Кнайпхофа. Построенная сразу же после основания города, она вначале состояла из трёх домов, торцами выходящих на улицу. Но в 1695 году её почти до основания «перекроили» в так называемом «нидерландском стиле Ренессанса»: с тройным членением фасада, с окнами-витринами, пилястрами, башней для колокола, фигурами на крыше, позолоченной лестницей, у основания которой держали щиты два медведя...

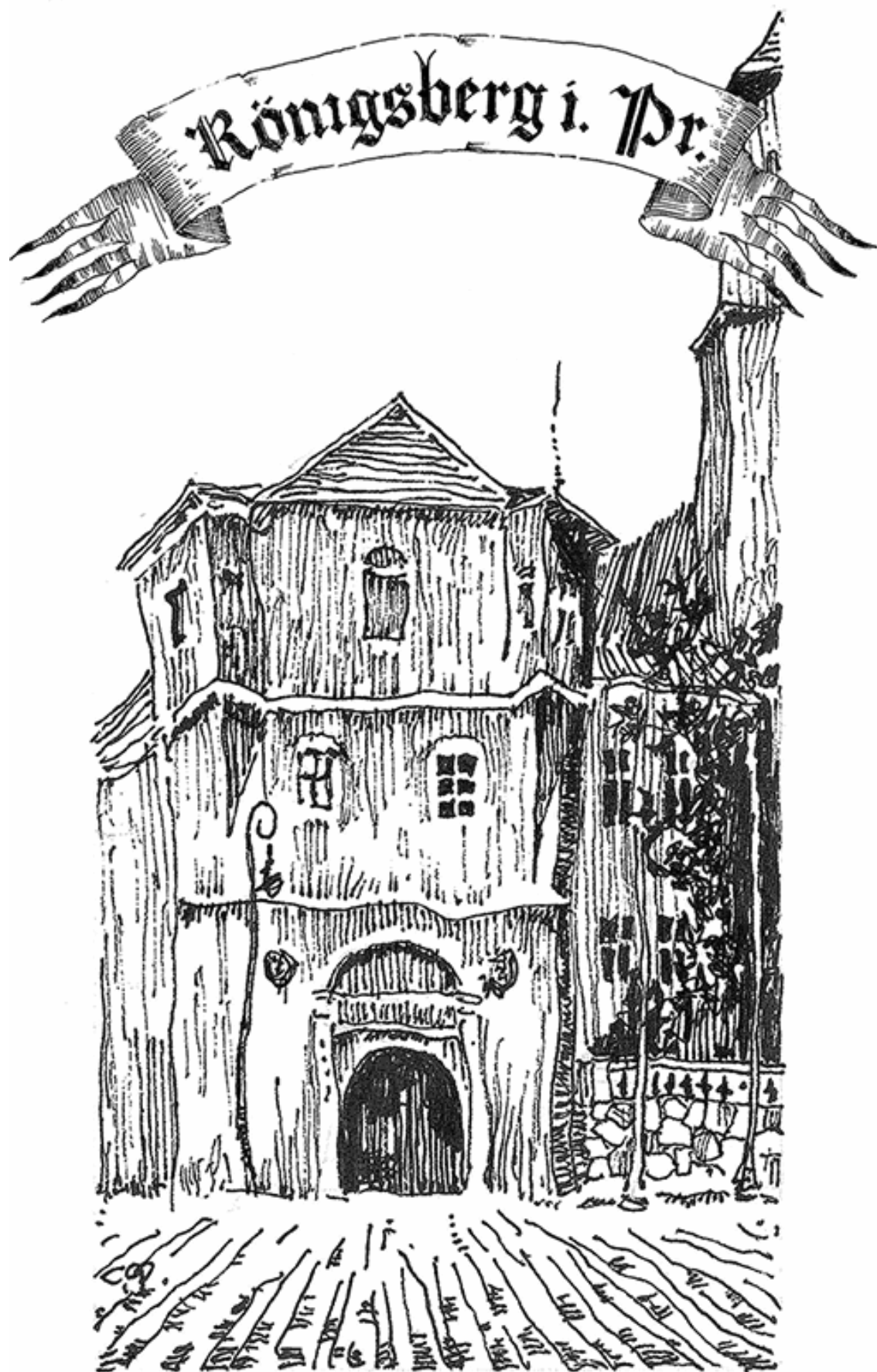
В зале магистрата был богато оштукатуренный потолок, а углы венчали мощные скульптуры – с рельефными мускулами, развевающимися драпировками – в духе входящего в моду прусского барокко. В 1724 году Кнайпхофская ратуша стала резиденцией администрации города, а в 1927-м в ней разместились музеи.

После штурма Кёнигсберга в кнайпхофских подвалах вплоть до депортации жили немцы.

«Однажды все они исчезли, – вспоминает переселенка М. П. Тетеревлева. – Наверное, уходили рано утром... В подвале на стенах остались какие-то надписи, муж пытался разбирать, но понял только несколько слов. Под текстом были имена и напротив них – даты смерти. Всё такое разное у разных народов, но форма этой страшной фразы одна на всех языках: имя, чёрточка, дата...» («Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах».)

Кнайпхоф можно увидеть в советской киноленте «Встреча на Эльбе» – эта часть поверженного Кёнигсберга использовалась в качестве съёмочной площадки. А после депортации немцев сердце древнего города превратили в одну сплошную каменоломню: баржам было удобно причаливать к берегу, и стены выгоревших домов пустили на кирпич. Разобрали до основания всё – кроме Кафедрального собора. Его спас Кант – точнее, его могила.

Так что останки Кнайпхофа покоятся нынче на площади в несколько гектаров под двухметровым слоем строительного мусора и битого кирпича.

Сердце Кёнигсберга

В этой части города не было замков и крепостей. Здесь жили люди...

Хуфен

Хуфен (Hufen) – старое название северо-западной части Кёнигсберга.

С севера он ограничен железнодорожной линией «Калининград – Светлогорск», с юга – линией «Калининград – Балтийск», с востока – железнодорожной веткой, соединяющей Северный и Южный вокзалы, с запада – улицами Спортивной, Лесопарковой и Вагоностроительной.

Впервые Хуфен упоминается в 1300 году как Хубен (Huben), что означает название старой меры площади, равной 12 гектарам. Хуфен принадлежал к Альтштадту, а его старейшим жителем считался альтштадтский лесничий, чей дом находился на месте сквера около современного областного драматического театра и был снесён в начале XX века.

В XIX столетии Хуфен был разделён на три части: Фордерхуфен (Vorderhufen) – Ближний Хуфен (от восточной границы округа до Беекштрассе – нынешней улицы Алябьева), Миттельхуфен (Mittelhufen) – Средний Хуфен (от Беекштрассе до Шрёттерштрассе – улицы Красной) и Хинтерхуфен (Hinterhufen) – Дальний Хуфен, позже известный как Амалиенау (район нынешней улицы Кутузова).

В 1786 году обер-бургомистром Кёнигсберга Теодором Готтлибом фон Гиппелем было куплено у землевладельца Пойнтера имение в Миттельхуфене (недалеко от современной улицы Дм. Донского). Двор поместья был скрыт в густой зелени парка, к скромному господскому дому вела аллея старых лип, высаженных вдоль Хуфенфрайграбен (нынешний Парковый ручей). На одном из деревьев, растущем на возвышенности, висел колокол, звон которого созывал дворню и домочадцев Гиппеля к обеду, а во время стихийного бедствия звучал как сигнал «SOS».

Гиппель был знатоком и ценителем изящных искусств. Вокруг дома он разбил прекрасный сад в английском стиле, а парк украсил руинами в античном духе. Чтобы попасть в свой любимый уголок в любое время года и при любой погоде, он распорядился проложить к имению дорогу, вымощенную брёвнами. Позже она превратилась в Хуфеналлее (современный проспект Мира).

Кстати, частыми гостями в загородном доме Гиппеля были философ Иммануил Кант и военный советник Иоганн Георг Шеффнер (не только честолюбивый государственный служащий, но и поэт).

Луизенваль

После смерти Гиппеля в 1796 году его имение приобрёл герр Бузольт – церковный и школьный советник, и в честь своей супруги Луизы переименовал его в Луизенваль («Луизин выбор»).

В 1806, 1808 и 1809 годах, в летние месяцы, в имении проживали прусская королева Луиза и её семья. Король Вильгельм I, будучи в 1861 году в Кёнигсберге по случаю коронации, посетил Луизенваль, где прошла часть (самая, пожалуй, безмятежная) его детства. А через одиннадцать лет он купил это имение и в самом высоком месте парка 2 сентября 1874 года открыл памятник, посвящённый матери – королеве Луизе.

Мраморный бюст королевы работы скульптора Кристиана Даниэля Рауха находился в обрамлении полуротонды, а растущая посреди другой ротонды липа напоминала о Тильзитском мире.

В 1899 году Луизенваль стал наследным имением. В этом же году состоялась закладка кирхи памяти королевы Луизы (современный кукольный театр).

9 сентября 1901 года кирха была торжественно открыта и освящена в присутствии императора Вильгельма II и его венценосной супруги. А в 1914 году имение было передано Кёнигсбергу, как сказали бы сегодня, в муниципальную собственность.

В суровую зиму 1929/30 года все фруктовые деревья в Луизенвале вымерзли, склон (Гиппелевский сад) стал горкой для катания кёнигсбергской молодёжи (собственно, там катаются и сегодня – если выдаётся морозная зима).

В 1937 году Хуфеналлее была расширена, господский дом отрезан от парка и стал использоваться в качестве приюта имени королевы Луизы.

Амалиенау

В 1820 году коммерческий советник Густав Шнель купил все хинтерхуфенские имения и объединил их в одно. Сентиментальный, как все немцы, он назвал его в честь своей жены Амалии – Амалиенау. В 1901 году на месте этого поместья – по инициативе «Кёнигсбергского общества строительства и недвижимости» – возник пригород Амалиенау: сплошные виллы. А ещё через восемь лет у озера Близнецов (современное озеро Хлебное), на месте старой кузницы, появились кафе и гостевой дом.

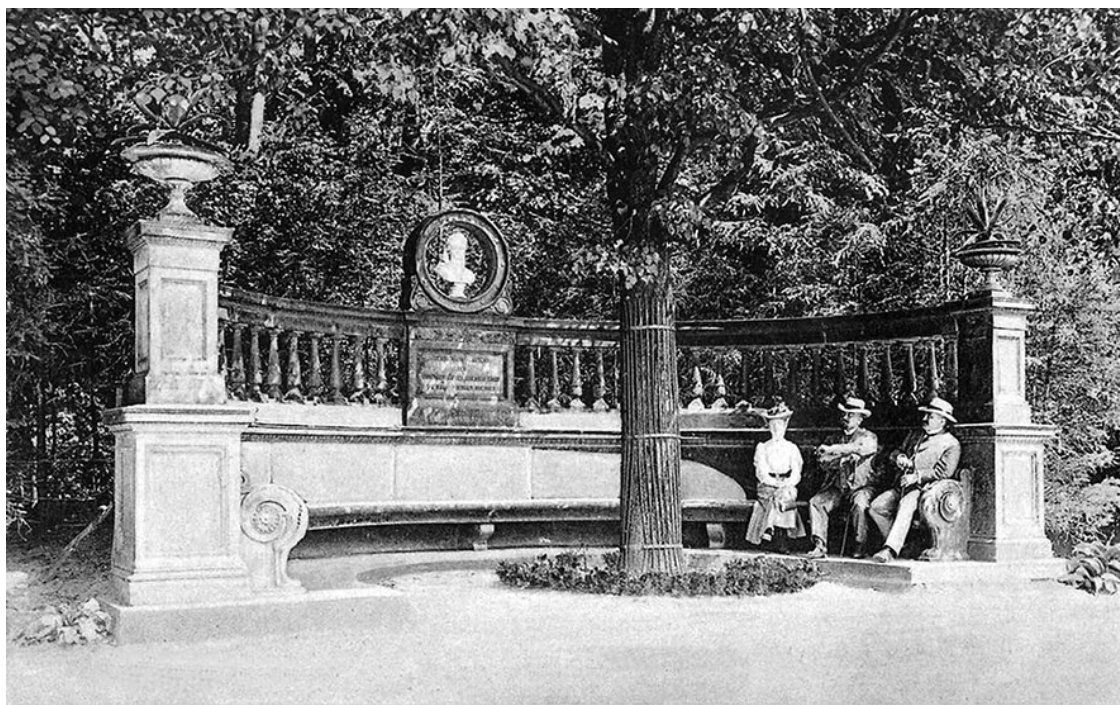
Виллы принадлежали состоятельным семьям – именно поэтому уцелели во время штурма Кёнигсберга в 1945 году. В роскошные особняки вселялись генералы и старшие офицеры Советской армии, «наследуя» всю обстановку. Даже хрусталь, благополучно переживший военные действия.

В сборнике «Восточная Пруссия глазами советских переселенцев» приводятся такие воспоминания:

«На улице Кутузова (бывш. Амалиенау) есть особняк, который до сих пор в народе называют дачей Баграмяна. <...> Там жил генерал с молодой женой. Самого генерала я так ни разу и не видела, а вот за его женой часто наблюдала из окна. Она выходила из дома в очень необычном для того времени виде – в брюках – и каждый день тренировала собак. Их было две. Большие овчарки.

Район Амалиенау. Капелла Святого Адальберта

Открытая беседка с памятником королеве Луизе, XIX век

Так вот, племянница жены генерала училась вместе со мной в школе, мы с ней дружили. Как-то раз она пригласила меня и моего брата на свой день рождения. Мы были в доме единственными гостями. <...> Было такое впечатление, что мы оказались в сказке. Красивая лестница, ведущая наверх, окна из цветного стекла – витражи. В гостиной, куда нас провели, стоял большой круглый массивный стол и такие же массивные кресла с высокими спинками. <...> А под столом сидели собаки. И только стоило нам пошевелиться, как они начинали злобно рычать. Мы боялись даже шелохнуться. Еда, видимо, была очень вкусной, но мы этого не почувствовали».

А ещё с «наследством» бывших жителей Амалиенау связаны вполне мистические истории. Знакомая моей матери, въехавшая вместе с мужем-«трофейщиком» в один из брошенных домов в мае сорок пятого, рассказывала, как однажды на её глазах ни с того ни с сего обвалилась полка на кухне и вдребезги разбился фарфоровый сервиз. Ни одной чашечки не осталось. Точно посуду переколотила чья-то невидимая рука.

Тиргартен

Фордерхуфен был застроен доходными домами и общественными зданиями. Жители старого Кёнигсберга даже не могли себе представить, что излюбленное место их летнего отдыха в XX веке превратится в деловой центр города, а загородные дома преуспевающих кёнигсбержцев начнут использовать в качестве гостиниц и ресторанов.

Кстати, на месте нынешнего зоопарка первоначально тоже располагалась вилла с женским именем «Фредерика». Но в 1895 году, по случаю 50-летнего юбилея «Политехнического и ремесленного союза», на территории, прилегающей к вилле, была организована «Северо-восточная немецкая промышленная и ремесленная выставка» – под руководством герра Клаасса. Накануне закрытия выставки Герман Клаасс предложил «отцам города» сохранить выстроенные деревянные павильоны для создания зоопарка. Идею поддержали.

Для зоопарка были выкуплены большой выставочный зал (в качестве концертного), портал входа, ресторан, смотровая башня...

22 августа 1895 года был учреждён Союз любителей животных «Тиргартен» – нечто вроде благотворительного общества. Его председателем стал профессор Максимилиан Браун, руководитель Зоологического института Кёнигсбергского университета, а каждый житель города мог свободно высказать в прессе своё мнение по поводу проекта.

Все сооружения – с технической точки зрения – непосредственно курировал Герман Клаасс, которого в Кёнигсберге с тех пор заслуженно называли «отцом зоопарка».

Животных в мае 1896 года поставила фирма «Хагенбек» из Гамбурга.

21 мая зоопарк был открыт. В то время его коллекция насчитывала 893 вида млекопитающих и пресмыкающихся и 262 вида птиц. А благодаря великолепному ландшафту, он очень быстро был признан одним из лучших зоосадов Европы и лучшим – в Германии.

Для местных жителей и для приезжих зоопарк являлся излюбленным местом отдыха. К услугам посетителей предлагались ресторан, винный погребок, кондитерская, читальный зал (!), десять теннисных площадок спортивного клуба «Тиргартен», игровая площадка для детей. В летние месяцы при хорошей погоде на открытом воздухе давались концерты духового оркестра, зимой музыка играла в концертном зале, вмещавшем до 2500 человек.

Напротив зоопарка четырьмя годами раньше, в 1892-м, появился стадион имени Вальтера Симона – кёнигсбергского благотворителя, прежде других почувствовавшего, что у спорта – большое будущее.

В 1896 году на Бетховенштрассе (современная улица Кирова) появилось здание Сельскохозяйственной палаты (ныне военная прокуратура).

В 1912 году в зоопарке принял первых посетителей Прусский этнографический музей, созданный по примеру знаменитого Скандинавского в Стокгольме...

Бегемот Ганс

Надо сказать, при штурме Кёнигсберга в апреле 1945-го зоопарк практически не пострадал. Хотя бои на его территории велись ожесточённые и некоторым особям – типа слона или бегемота – досталось. Первые переселенцы вспоминают, как усиленно спасали животных.

«Так, бегемот был очень старый. Я видела, – говорит А. В. Целовальникова, – возле его клетки кучу использованных ампул пенициллина. Это было импортное дорогостоящее лекарство. Его не хватало для солдат, а бегемоту его кололи в больших количествах».

В сборнике «Восточная Пруссия глазами советских переселенцев» приводится ещё один прелюбопытнейший документ – «История лечения бегемота», написанная зоотехником В. П. Полонским. Бумага заслуживает почти дословного цитирования:

«Бегемот. 18 лет. Рост большой. Кличка Ганс. Четыре раза ранен. <...> Тринадцать дней был без пищи и воды.

Принял лечение к бегемоту 14.04.1945 г. Впервые оказал помощь водой. В последующем попытался дать ему молока. В следующий раз – молотой свёклы. Бегемот принялся кушать. Но через три дня отказался. Я поспешил дать бегемоту водки. Дал четыре литра. После чего бегемот стал сильно просить кушать. <...> Прошло две недели. Бегемот кушает слабо. Я решил дать водки 4 литра. Бегемот стал кушать хорошо. <...> Удалось спасти бегемота, не отходя от него, через 21 день. Через один месяц и 19 дней я добился полного здоровья и сейчас занимаюсь дрессировкой – катанием верхом на бегемоте по парку».

Смешно и трогательно читать эти строки. Почему-то зоотехник Полонский представляется совсем молоденьким. Прямо видится эта картинка: как он рубит свёклу, льёт в чан водку литрами, не забывая пропустить стакан-другой – за компанию с «пациентом»... И как искренне радуется выздоровлению Ганса – наверняка совсем ошалевшего от русской водки и «диеты»... А ведь война ещё идёт. И что там позади у этого зоотехника – сожжённая хата? гибель семьи? потеря друзей? – бог весть.

Кинотеатр «Скала»

В апреле 1945-го район штурмовала 43-я армия. Кровавопролитных боёв не было. Здания пострадали в основном от действий огнемётчиков. В начале пятидесятых годов часть построек, как и по всему Кёнигсбергу, пошла на кирпич, часть была перепланирована (к примеру, из большой четырёхкомнатной квартиры делали две двухкомнатные).

Административные здания, в принципе, сохранили свой деловой профиль. Хотя и не без забавных метаморфоз: в бывшей дирекции почт разместился штаб Балтфлота, высшая школа для девочек превратилась в Дом офицеров.

Бывшие мастерские «Даймлер-бенц» (по сборке «Мерседесов») стали заводом «Кварц», авторемонтный завод (на углу Советского проспекта и улицы Яналова) занял производственные площади бывшего управления по уборке улиц (типа МП «Чистота»).

В экс-сельскохозяйственном банке (Советский проспект, 13) теперь помещаются десятки различных фирм и учреждений.

В здании страховой компании «Северная звезда» – гостиница «Москва». (Дом выгорел изнутри при штурме, но был после войны восстановлен.)

Кинотеатр «Заря» унаследовал помещение кинотеатра «Скала», построенного в 1938 году и бывшего тогда одним из самых современных в Германии. Архитектор Зигфрид Зассник предусмотрел в проекте «хит сезона» – звёздное небо. Когда в зрительном зале гас свет, на потолке – под куполом – зажигались лампочки, имитируя звёзды.

Кстати, по словам актрисы Ренаты Литвиновой, приезжавшей в Калининград на премьеру фильма «Небо. Девушка. Самолёт», обновлённая «Заря» хорошо известна в отечественных и зарубежных кино кругах. Из-за стилизованного под предвоенную действительность интерьера фойе наши киношники называют «Зарю» «тем самым фашистским кинотеатром, где была мировая премьера “Титаника”», и выстраиваются в очередь для того, чтобы проверить на нашем зрителе свои новоиспечённые шедевры. Так что нередко премьерный показ фильма в «Заре» осуществляется раньше, чем в московском Доме кино.

Обломок «Атлантиды»

В Хуфене работал ещё один кинотеатр – «Шаубург» (там, где сегодня пересекаются улицы Карла Маркса и Пугачёва), но... его разобрали на кирпич. Сейчас на его месте – пятиэтажки.

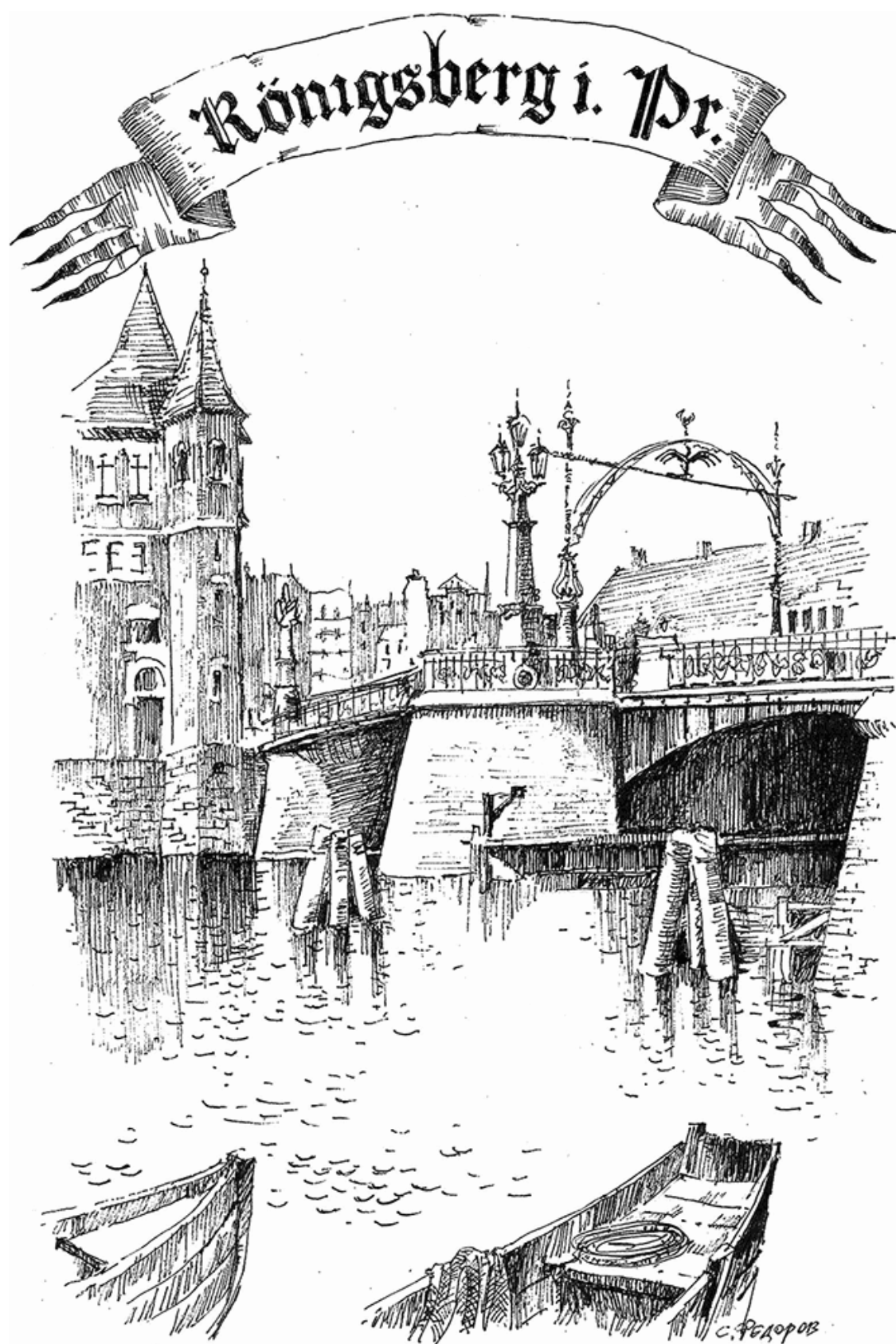
Модный магазин «Подиум» (в советское время ателье «Светлана») размещается в здании отделения городского банка. Во времена инфляции 20-х годов XX века там печатались районные (!) инфляционные деньги.

А в 1895 году там, где сейчас располагается «Горзеленхоз», было первое депо первого городского электрического трамвая. И электростанция, дававшая ему ток. Кстати, до 1912 года Хуфен относился к округу Фиршхаузен (аналог современного Зеленоградского района) и мог позволить себе определённые вольности. К примеру, в 1911 году в «Луизентеатре» на Хуфеналлее (ныне театр на Бассейной) была поставлена опера, по каким-то причинам не допущенная на сцену оперного театра в Кёнигсберге. Но... в 1912 году всё пришло к единому знаменателю.

Хауптштрассе (ныне проспект Победы), 1903 год

А сегодня – тем паче. Современные застройки почти до неузнаваемости изменили бывший Хуфен. Ещё один обломок «Атлантиды», ещё один фрагмент пространства, оставшегося лишь в воспоминаниях и мифах. И чем тусклее – от времени – воспоминания, тем ярче мифы. От которых никуда не деться и которые не разобрать на кирпич. И не превратить в стройплощадки для «новых русских». Это – параллельная реальность для тех, кто способен её воспринять, – то бишь для настоящих калининградцев.

Семь мостов Кёнигсберга

Задачу Эйлера решили война и советская власть

Известно, что великий швейцарский математик Леонард Эйлер создал целое направление науки, решая задачу о семи кёнигсбергских мостах.

Зря топтать башмаки

Существует легенда, что жители Кёнигсберга любили прогуливаться по улицам трёх «слившихся» в единое целое средневековых городов: Альтштадта, Лёбенихта и Кнайпхофа, – но терпеть не могли зря топтать свои башмаки. А города эти были соединены между собой семью мостами. И вот будто бы экономные горожане однажды задумались: а можно ли пройти по всем мостам так, чтобы на каждом из них побывать лишь один раз и вернуться к месту, откуда начал прогулку?

Эйлера задача заинтересовала. «Никто ещё до сих пор не смог это проделать, но никто и не доказал, что это невозможно... Для решения недостаточны ни геометрия, ни алгебра, ни комбинаторское искусство», – так писал он своему коллеге, итальянскому математику и инженеру.

В конце концов, выстроив сложный алгоритм, Эйлер получил отрицательный ответ. Пройти по всем мостам лишь по одному разу и, описав круг, вернуться в исходную точку оказалось невозможным.

Лавочный, Зелёный и Кузнечный

Итак, самым старым был мост Лавочный (Кремербрюкке). Его построили в 1286 году по инициативе бургомистра Альтштадта (только что получившего городские права). Связывал он Альтштадт с островом Кнайпхоф, на котором ещё не было городского поселения.

Рядом с Лавочным мостом была построена будка – как пишется в немецких бумагах, «для складирования возможного хлама». В 1339 году мост упоминается как названный в честь святого Георга, но в 1397 году он обретает новое имя: Когенбрюкке, то есть Мост Судов (купеческие корабли назывались тогда в Ганзе когами). В 1548 году это имя стало официальным, изменившись на одну букву: Кокенбрюкке.

В 1787 году мост реконструировали. Убрали «будку для хлама». В 1900-м на месте деревянного Кокенбрюкке был сооружён новый, из металла. Он благополучно пережил войну и был снесён в 1972 году при строительстве моста Эстакадного.

Лавочный мост и старые портовые склады

Потроховый мост

Далее – Зелёный (Грюнебрюкке). Был сооружён в 1322 году через рукав реки Прегель, для того чтобы обеспечить движение из пригородов Понарта к Королевскому замку. В 1582 году сгорел. Через шесть лет был построен заново, опять из дерева. В этом виде просуществовал до 1907 года, потом его заменили на металлический, был разводным. Механизм приводился в движение вручную. Войну пережил. «Приговорили» его в том же 1972-м, при строительстве Эстакадного.

В 1379-м, по инициативе альтштадтцев и по решению магистра Тевтонского ордена Винриха, был построен мост, параллельный Лавочному. Он получил название Кузнечный (Шмидебрюкке). Тоже имел при себе будку «для хлама».

К 1787 году Кузнечный мост обветшал и был заменён на новый, тоже деревянный. В металле его построили в 1846 году. Вместо будки поставили башенку для паровой установки – разводного механизма.

Во время штурма Кёнигсберга его разрушили и больше не восстановили.

Потроховый, Высокий и Деревянный

Параллельно Зелёному шёл Потроховый (Мясной) мост (Кёттельбрюкке), расположенный у скотобойни, перед зданием Биржи (ныне Дворец культуры моряков). Его соорудили в 1377 году на средства жителей Кнайпхофа, чтобы он связывал их с Форштадтом – районом складских помещений. Там, в Форштадте, вначале хранились запасы древесины для отопления.

Частично Потроховый мост был разрушен ещё до штурма города в апреле 1945-го, и его пролёты пошли на ремонт Деревянного моста (Хальцбрюкке). Деревянный цел и поныне, он связывает бывший Альтштадт с Октябрьским островом (бывшим островом Ломзе). Если присмотреться, то можно увидеть, что ковка перил различна: в одних местах её элементы – дубовые листья, в других, заимствованных с Потрохового, – колечки.

В 1377 году было получено разрешение на строительство Высокого (Хозбрюкке) моста (соединяет Октябрьский остров с нынешней улицей Дзержинского). В конце XIX века его деревянный вариант сменился сооружением из кирпича и металла. Кстати, рядом с этим мостом – единственное на весь город уцелевшее здание подъёмных механизмов – башенка, именуемая Мостовым домиком. (Она совсем было уже заваливалась в Прегель, но несколько лет назад её восстановили.)

В 1937 году чуть восточнее был построен новый мост из металла и бетона. Именно он существует и по сей день. Правда, с той поры он не модернизировался, хотя, по плану, текущей реконструкции должны были подвергнуться все мосты Кёнигсберга.

А может, оно и к лучшему? Очевидцы вспоминают, как в 1996 году сапёры – наши, калининградские, – при ремонте Эстакадного моста взрывали бетонное покрытие толовыми пашками! Притом что конструкции этого рода очень чувствительны даже не к ударной волне, а просто к синхронному колебанию. Известен ведь случай, когда довольно крепкий мост обрушился от того, что рота солдат прошла по нему в ногу...

Императорский и Медовый

Сохранился и мост Медовый (Хонигбрюкке), построенный в 1542 году. По преданию, своим «вкусным» названием он обязан... взятке, которую будто бы получил обер-бургграф Базенраде от кнайпхофского городского совета. За разрешение на строительство моста, связующего Кнайпхоф с островом Ломзе, минуя Альтштадт. Будто бы кнайпхофцы поставили Базенраде целую бочку меда, – а рассерженные альтштадтцы прозвали их за это «медовыми лизунами».

Так или иначе, Медовый пережил Вторую мировую. И сейчас ведёт он к Кафедральному собору с улицы Октябрьской. Чуть было не прикончила его баржа под названием «Алые паруса» – помните, был такой плавучий ресторанчик на Преголе. Во время сильного ветра баржу сорвало с якоря и она протаранила носом перила моста. Аккурат по центру. Но... местные умельцы благополучно решили проблему с помощью автогена. А баржу оттащили на металлолом.

...Другие кёнигсбергские мосты появились значительно позже и к задаче Эйлера отношения не имеют.

Так, построенный в 1905 году Императорский мост (Кайзербрюкке) связывал остров Ломзе с Форштадтом. Частично мост пострадал во время войны. Один его пролёт сохранялся до середины восьмидесятых, а потом его пустили на металлолом.

Железнодорожный и Берлинский

Старый Железнодорожный мост связывал старый Южный и Восточный вокзалы с альтштадтским складским районом. В 1929 году его признали аварийным, через четыре года разобрали. А после войны первые переселенцы восстановили мост, хотя и не в прежнем виде.

Новый Железнодорожный – более известный как двухъярусный – был взорван немецкими сапёрами во время штурма Кёнигсберга. Советские сапёры «навели» его сразу после войны. Разводился он тогда, не поднимаясь вверх обеими половинками, а «разъезжаясь» в стороны путём поворота.

Кстати, именно он остался в истории советского кинематографа. В фильме «Встреча на Эльбе», который снимался в Калининграде в 1948–1949 годах, есть кадр: бывшие друзья и союзники, русские и американцы, толпятся по обеим сторонам реки – типа, Эльбы, – а американцы разводят мост, знаменуя тем самым начало холодной войны.

Так вот, в роли «моста через Эльбу» снимался наш двухъярусный. Реконструировали его в конце пятидесятых и сделали поднимающимся.

А вот Берлинский (Пальмбургский) – тот, что за посёлком Борисово, по окружной дороге в сторону Исаково, – так и застыл в «полусведённом» состоянии. Точно закоченел в судороге. Его взорвали в сорок пятом, перед штурмом.

Высокий мост

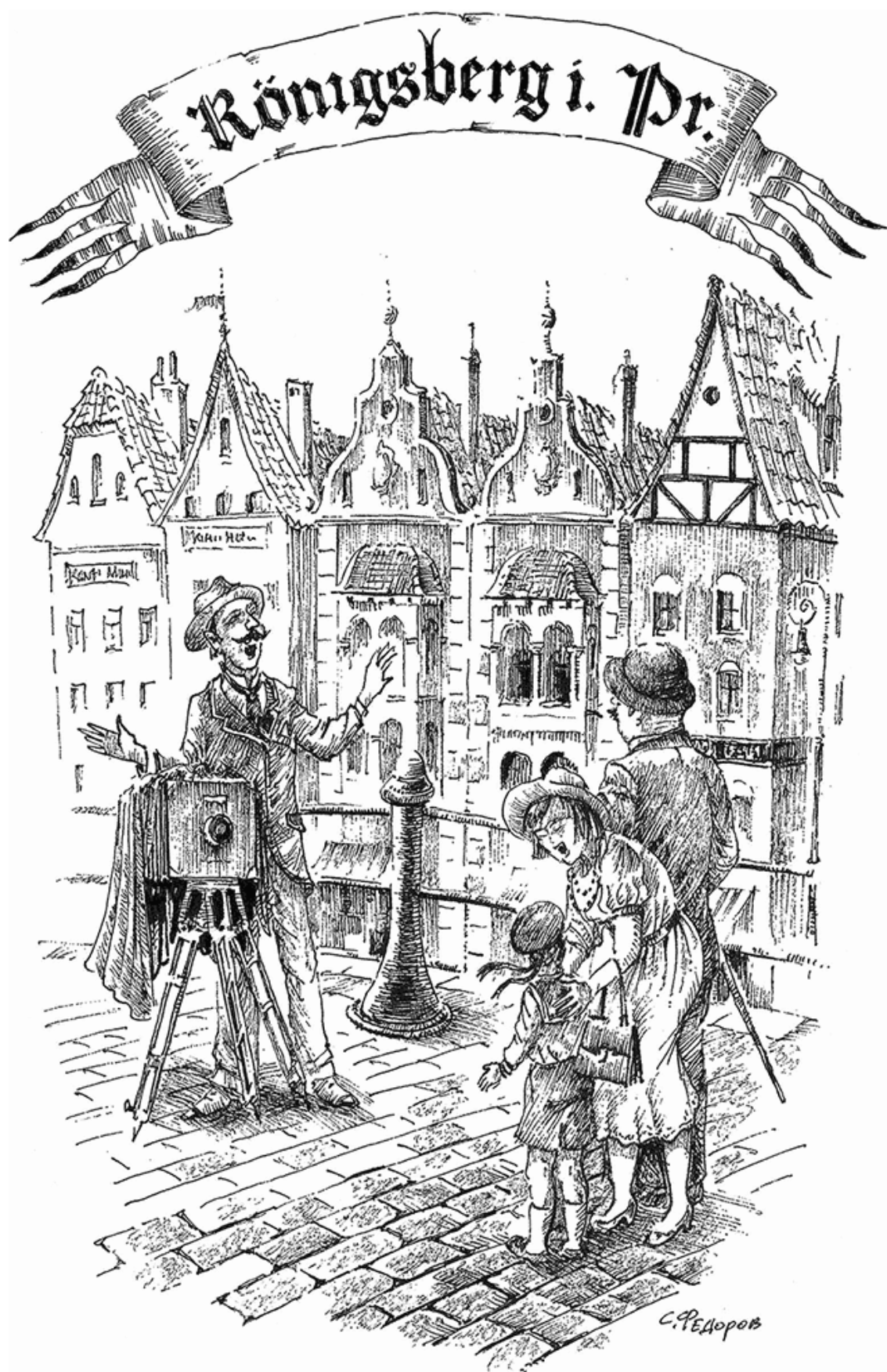
Во времена правления первого секретаря обкома КПСС Коновалова одна часть моста была сведена. Строители приступили ко второй, но из Москвы на них гневно прикрикнули: «Неметчину восстанавливаете?!» В результате специальная техника была отправлена на металлолом, а мост так и остался... историческим памятником. Общей кёнигсбергско-калининградской истории. Хотя восстановить его – не проблема.

Монстр поперёк проспекта

...Кстати, когда строился Эстакадный мост, ширина его проезжей части совпадала с суммарной шириной Лавочного и Кузнечного. Дешевле было восстановить два параллельных моста – Кузнечный и Потроховый – и осуществлять по ним движение. Но... тогда во всём царила гигантомания, требовались строительные объёмы.

Ещё смешнее – и трагичнее! – произошло с тем монстром, который торчит поперёк Московского проспекта. Архитекторы – авторы этого «чуда» – утверждают, что действовали на основании немецкого проекта реконструкции Кёнигсберга. На самом деле в немецких планах был предусмотрен совсем другой мост – от проспекта Калинина до Литовского Вала. А это место было выбрано исключительно из меркантильных соображений: под снос падало много жилых домов, людей требовалось расселять... Значит, должно было вестись новое строительство, это большой объём капиталовложений... А архитектор получал процент от вала: чем больше объём работ, тем внушительней гонорар. И вот... мы имеем то, что имеем.

...В общем, задачка Эйлера имеет сегодня совсем другое решение. По оставшимся в Калининграде мостам вполне реально описать круг, не повторяя «простые движения». Вот только... захочется ли? И дело даже совсем не в ботинках.

Каменная дамба Кёнигсберга

*Знаменитый Штайндамм превратился в крохотную улицу
Житомирскую*

Отчего бы нам «не прогуляться» по Штайндамму? Название это переводится как «каменная дамба»...

Штайндамм был первой дорогой, которая вела от Кёнигсбергского замка к богатому янтарём побережью Балтийского моря.

Язычники и король

Как известно, крещением знатных пруссов в январе 1255 года закончил богемский король Оттокар II Пршемысл свой поход в Самбию. Вот как описывает это событие Владислав Ванчура в своей книге «Картины из истории народа чешского»:

«Войско Пршемысла стоит в земле по названию Самбия. Край опустошён им. Ужас и страх гонят языческий люд к стану чешского короля; язычники бросают оружие, падают на колени, и князья их говорят:

– Мы разбиты, король. Наши селения уже не селения, они похожи на груды пепла и на песчаные дюны. Король, мы покоряемся тебе, даруй нам святое крещение, покой и мир!

Князьям отвечал гроссмейстер ордена, а король согласился стать крёстным отцом самых высокородных из язычников. Затем освятили небольшой клочок земли, нарисовали на нём образ и очертания будущего храма. Собрались священники в роскошных ризах, и нарядные дворяне, и гроссмейстер ордена, и король, и оба королевских зятя, маркграфы Мейсена и Бранденбурга. Зазвонил маленький колокол, и прусским князьям разрешено было ступить на освящённое место. Шли они с обнажённой головой, сложив ладони, без меча и пояса. Пали ниц, и священник вылил им на головы немного святой воды. После этого им вернули мечи, князья присягнули на верность гроссмейстеру.

Когда обряд закончился и им уже ответил гроссмейстер, где-то в задних рядах собравшихся возник шум.

– Кто это пришёл?!

– Посольство из Рима, монахи!

Их бороды в сосульках, шерсть их лошадей в снегу и ледяных комьях. Они дрожат от холода. Поклонились – руки в рукавах – королю, рыцарям и маркграфам. Король приветливо ответил им и спросил:

– Что нового там, на юге, в Италии?

– Дурная весть для всего христианства! Настали печальные времена, ибо осиротел трон святого Петра. Горе нам, горе! Папа Иннокентий, окружённый сонмами ангелов, стоит уже перед Престолом Господним, ликуя вместе с херувимами и святыми угодниками, мы же в горести и печали остались в этой юдоли слёз и оплакиваем его кончину».

«Запри этот край от бунтовщиков»

«Услышав это, король повелел отслужить мессу за душу умершего и, оставив войско своё гроссмейстеру, собрался в обратный путь.

– Построй укреплённое место, – наказал он гроссмейстеру, – дабы служило оно опорой тебе в случае беспорядков среди народа или дворянства. Возьми подкрепление, которое я даю тебе, и запри этот край от проникновения бунтовщиков и поносителей истинного Бога. Я же уезжаю, ибо исполнил то, что надлежало исполнить, а ты сам обязал повиноваться здешний народ.

И Пршемьсл со своею дружиной, то есть с епископом Бруно, с Витеком из Градца, с Боршем из Ризенбурга и со всеми рыцарями, двинулся к Чехии».

Так на месте прусского укреплённого городища, расположенного на горе Твангсте, рыцарями Тевтонского ордена стал возводиться замок, который получил впоследствии название Кёнигсберг. Два ручья, текущие с севера на юг, огибали гору с запада и востока и делали крепость ещё более неприступной.

На северо-западе от замка появилось первое городское поселение, возникшее у янтарного тракта в Самбию.

В хрониках за 1256 год упоминается расположенная в северо-западной части этого поселения кирха Святого Николая.

Восточный ручей, имевший название Лёбебах, вскоре был перегорожен каменной дамбой, а его водяной поток пущен в замковый ров. Место, прилегающее к дамбе, тоже стали называть Штайндаммом, а кирху – Штайндаммской. У замкового рва построили мельницу. Уровень воды в ручье вырос, и он поглотил всё ущелье Лёбебаха, в результате чего появился Мельничный пруд, позже получивший название Замкового пруда (ныне – Нижний).

Во время прусского восстания в 1263 году было уничтожено первое городское поселение, разрушена кирха, но взять замок восставшим пруссам так и не удалось. Новое поселение появилось позже, южнее замка Кёнигсберг, между горой Твангсте и рекой Прегель. Оно получило в 1286 году городские права и своё название Альтштадт. В 1264 году в Альтштадте была построена новая кирха в честь прежней – Святого Николая.

«Порядочная церковь»

В первой четверти XIV века на месте Штайндаммской кирхи вновь было возведено ещё более массивное здание кирхи с использованием останков старых разрушенных стен.

Кирпичная башня, пристроенная с запада к кирхе, впервые упоминается в XV столетии. Сохранившаяся до 1572 года её верхняя часть в середине XIX века была обновлена. На балках алтаря имелась дата: «1670 год», которая указывала на время его сооружения. Тридцатью годами ранее появилась алтарная картина «Страшный суд» работы кёнигсбергского художника Антониуса Мёллера.

Исповедальная лавка и орган были изготовлены в более позднее время. Колокола отлиты в 1714 и 1763 годах. Интересно, что пол кирхи, как указывалось в «Путеводителе по Кёнигсбергу 1910 года», находился на четыре ступеньки ниже мостовой, которая за несколько столетий оказалась «приподнятой».

С 1760 по 1763 год, во время семилетней принадлежности Кёнигсберга к Российской империи, Штайндаммская кирха использовалась Русской православной церковью как храм Воскресения Христова.

Вот как это описывает Андрей Тимофеевич Болотов в 82-м письме своих «Записок»:

«Относительно до церкви скажу вам, что до того времени довольствовались мы только маленькою, полковою, поставленною в одном доме; но как Кёнигсберг мы себе прочили на должайшее время и, может быть, на век, то во всё минувшее время помышляемо было уже о том, где б можно было нам сделать порядочную для всех россиян церковь, которая и нужна была как по множеству нашего народа, так и потому, что императрице угодно было прислать к нам туда для служения архимандрита со свитою, певчими и со всем прибором.

«...» Избрана и назначена была к тому одна из древнейших кёнигсбергских кирок, довольно хотя просторная, но самой старинной готической архитектуры, с высокою и остроконечною башнею или шпирем, а именно та, которая находилась у них в Штейндамском форштадте, неподалёку от замка».

Поставить крест вместо петуха

«Главнейшее затруднение при сём деле было хотя то, чтоб снять с помянутого высокого шпица обыкновенного их петуха и поставить вместо того крест на оный, однако мы произвели и сие. Отысканы были люди, отважившиеся взлесть на самый верх оной башни и снять не только петуха, но и вынуть из самого яблока тот свёрнутый трубкою медный лист, который есть у иностранных обыкновение полагать в яблоко на каждой церкви, и на котором листе вырезают они письма, означающие историю той церкви, как, например: когда она? по какому случаю? кем? каким коштом? какими мастерами и при каком владетеле построена и освящена, и так далее.

«...» И мы положили его опять туда, присовокупив к тому другой и новый, с вырезанными также на нём латинскими письменами, означающими помянутое превращение оной из лютеранской в греческую, с означением времени, когда, по чьему повелению и кем сие произведено. А посему и остался теперь в Кёнигсберге на веки монумент, означающий, что мы, россияне, некогда им владели, и что управлял им наш генерал Корф и производил сие превращение».

Штайндамм. Справа – Штайндамская кирха и «Дрезднер-банк»

В 1807–1813 годах французская армия использовала Штайндаммскую кирху в качестве тюрьмы и лазарета. В XIX – начале XX столетия она функционировала как гарнизонная и университетская церковь. В 1888 и 1905 годах кирха была основательно отремонтирована внутри. В 1928 году проводилась её последняя реставрация.

Во время Второй мировой войны, в ночь с 29 на 30 августа 1944 года, английская авиация бомбила центр города. Многие кирхи при этой бомбардировке пострадали, в том числе и Штайндаммская. У неё обрушилась крыша и выгорел интерьер, при этом башня вполне сохранилась.

Помои из окон на улицу...

А вот во время штурма Кёнигсберга в апреле 1945-го кирха превратилась в руины. Но в 1956 году она значилась в списке памятников архитектуры Калининграда. На то время ещё сохранилась алтарная часть, восточная сторона с аркой свода и частично уцелевшая северная стена. Окончательно Штайндаммская кирха была снесена в конце 50-х годов XX века при прокладке новой транспортной магистрали – Ленинского проспекта.

Сейчас даже трудно представить, что на месте проезжей части, напротив аптеки, расположенной около университета, когда-то находился этот храм...

Сама Штайндаммская слобода тоже имеет свою историю. Основным населением её всегда были ремесленники, но наибольший подъём слобода пережила в середине XIX века. Тогда место скромных ремесленных мастерских заняли лавки торговцев. Перед Альтштадтской кирхой вырос конный рынок. Кстати, первый маршрут конки проходил в Кёнигсберге именно через Штайндамм.

В конце XIX века торговцев потеснили владельцы гостиниц и больших магазинов, предприятий и общественных зданий.

В 1880 году был построен Гигиенический институт Кёнигсбергского университета (сейчас в этом доме, позади магазина «Европа» и копировального центра на Ленинском проспекте, размещается «Рыбколхозсоюз»). Кёнигсберг отнюдь не всегда был таким вылизанным, как на дагерротипах и рождественских открытках. Немецкие фрау, держащие в безукоризненном порядке свои домики и квартирки, даже в первой трети XIX века не гнушались выливать помои из окон на улицу... Да и отхожие места хоть и были опрятными, во многих домах находились на улице и, по сути, мало чем отличались от российских «скворечников» (в смысле, дощатых будочек с дыркой в полу). Разве что были не деревянными, а кирпичными, внутри – выложены кафелем, а содержимое выгребных ям периодически вывозили (у нас-то, как водится, если одна яма заполнялась до отказа, «скворечник» просто переносили на другое место, а экс-яму наскоро засыпали землёй).

Людей и здесь приходилось приучать к гигиене, – благо муниципальные власти поняли, что спасение от холеры и прочих напастей не столько в медицине, сколько в чистоте. Тогда-то в рабочих предместьях стали строить домики эконом-класса – с туалетами, душевыми кабинами или ваннами (по одной на две семьи), с прачечными, облицованными кафелем, и т. д.

Начальник комендатуры

В 1900 году рядом с Гигиеническим институтом был построен Минералогический. (Сейчас это здание занимают «Горсвет» и банк «Балтика».)

В бывшем «Вестере» на Ленинском располагался магазин самообслуживания «Кепа». В доме по соседству – экс-универмаг «Дефака». Рядом стоял кинотеатр «Призма» (фасад этого здания был выполнен архитектором Гансом Хоппом в виде призмы). На пересечении нынешних улиц Вагнера и Житомирской в 30-е годы XX века были построены кинотеатр и ресторан «Алхамбра» (архитектор Курт Фрик).

Около Штайндамнской кирхи, в доме № 64, первый этаж занимало ателье известного в Кёнигсберге фотохудожника Фрица Круаскопфа, на втором – находился «Дрезднер-банк». Рядом был отель «Берлин». Кроме того, в домах «квартировались» множество самых разнообразных офисов, что превращало Штайндамм не просто в главную улицу, но в центральную деловую магистраль.

В 1931 году у Штайндамнской кирхи был установлен памятник павшим в годы Первой мировой войны, работы скульптора Станислауса Кауэра: мать, отправляющая сына на войну, и надпись – «За нас». Кстати, площадь перед кирхой была великолепно оформлена...

Ну а после штурма Кёнигсберга Штайндамм оказался «приговорён». 1 августа 1946 года его переименовали в улицу Житомирскую.

Известно, что начальник комендатуры, которого обязали в рекордно короткие сроки дать всем улицам и переулкам русские названия, изрёк, ошавев от работы, бессмертную фразу: «Я тут чего-то сочиняю, а мне домой, в Житомир, надо...»

С 1948 года улицу Житомирскую начали активно разбирать на кирпич. А в середине пятидесятых годов, после упомянутой выше прокладки Ленинского проспекта, от неё осталась небольшая часть – отрезочек, который и «унаследовал» название (теперь это и есть улица Житомирская).

Северная часть Штайндамма стала Ленинским проспектом. Место, с которого город пошёл...

Кёнигсберг и Альбертина

*Знаменитый университет был стёрт с лица земли вместе
с древним городом*

Кёнигсберг и Альбертина были столь связаны друг с другом, что, «гуляя по древнему городу», просто нельзя было пройти мимо университета. Места, ставшего средоточием духовных и философских исканий.

Надо сказать, что в стране бюргеров и солдат именно вокруг университета спланивались люди, чьи интересы не ограничивались коммерцией или фортификацией. Причём студенты подчас владели шпагой лучше, чем пером, а преподаватели демократично пили кофе со знаменитыми скорняками и шляпниками...

«Проглотить дьявола»

Итак, 1 января 1540 года герцог Альбрехт Прусский призвал к себе самых доверенных лиц, чтобы обсудить весьма важный вопрос: как обстоят в стране дела с развитием образования? Германия только что перешла из католической религии в лютеранскую, и эта метаморфоза потребовала подготовки большого количества образованных людей – священников и чиновников.

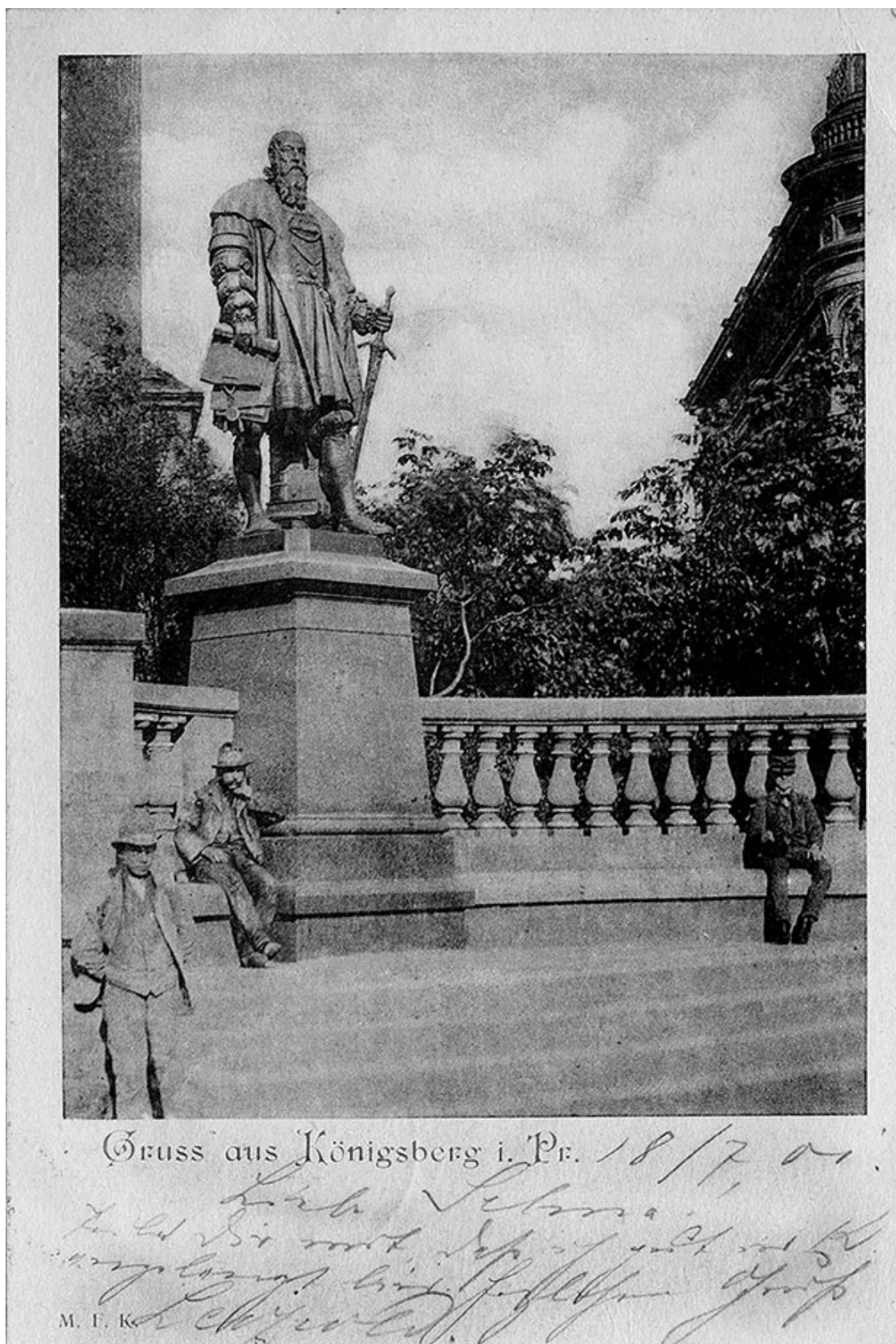
Советники Альбрехта Мартин Каннахтер и Иоганн Кройцен представляли на этом собрании светские интересы, а Иоганнес Полиандер и Иоганнес Брисман – духовенство.

Проект создания новой школы подготовил именно Полиандер. Изложив герцогу основные тезисы, он попросил, чтобы под новую школу был выделен земельный участок на северо-востоке Кнайпхофа, неподалёку от Кафедрального собора.

Ему возражали – называя лучшим местоположением Велау (ныне Знаменск), Нойденбург и Заальфелд (теперь это территория Польши). Однако герцог Альбрехт согласился с Полиандером.

На постройку здания было выделено 3000 гульденов. Учебный план соответствовал принятым в то время университетским программам и включал в себя, наряду со «свободными благородными искусствами» (типа словесности), теологию, юриспруденцию и медицину.

Надо отметить, что времена, когда теологи всерьёз рассуждали о том, сколько бесов может уместиться на кончике иглы или как быстро можно «проглотить дьявола», если не перекрестить ложку перед обедом, – те времена прошли. Теология, как и философия, начинала задумываться над иными проблемами – в частности, пытаясь примирить науку и религию.

Памятник основателю Альбертины Альбрехту Прусскому. Бронзовая скульптура работы И. Ф. Ройша установлена 19 мая 1891 года перед северо-восточной башней Королевского замка

Карцер для студентов

Высший надзор осуществлял директориум, в который входили представители бургомистров Альтштадта и Кнайпхофа.

Здание было открыто 17 августа 1544 года. Университет насчитывал четыре факультета: теологический, юридический, медицинский и философский. Первоначально штат его состоял из десяти профессоров, у которых в обучении находилось несколько сотен студентов. Охотно поступали в университет молодые люди не только из Кёнигсберга, но из Данцига, Силезии, Венгрии, Саксонии, Польши и Прибалтийских стран. «Северный Виттенберг» – так его называли, подчёркивая приобретённое им значение европейского центра просвещения.

(В Виттенберге располагался один из самых известных университетов Германии. Именно там писал свои «штудии» Лютер. В XVI столетии Виттенберг являлся символом свободомыслия. Кстати, именно туда собирался поехать учиться герой Шекспира Гамлет, принц Датский, – если бы не отвлёкся на сведение счётов с дядей-братоубийцей.)

С 1548 по 1573 год университет присуждал степени бакалавров и магистров, а с 1640-го – докторов.

Самое старое здание университета примыкало к Кантовскому портику, в нём располагалась сенатская комната. Там же хранились документы, подтверждающие привилегии университета (в том числе право самостоятельно разрабатывать устав), академические акты и библиотека. Кроме того, в здании, украшенном рельефным изображением герцога Альбрехта и академическим гербом, имелись:

- большая аудитория, предназначенная для чтения лекций по теологии и философии, диспутов, публичных речей и общественных мероприятий;
- аудитория для будущих юристов (она называлась «Педалагиум»);
- помещение, в котором проживали воспитанники герцога;
- общая столовая, квартира эконома.

В подвальных помещениях прятались погреб эконома и... академический карцер, куда на время запихивали самых нерадивых студентов.

Профессорский склеп

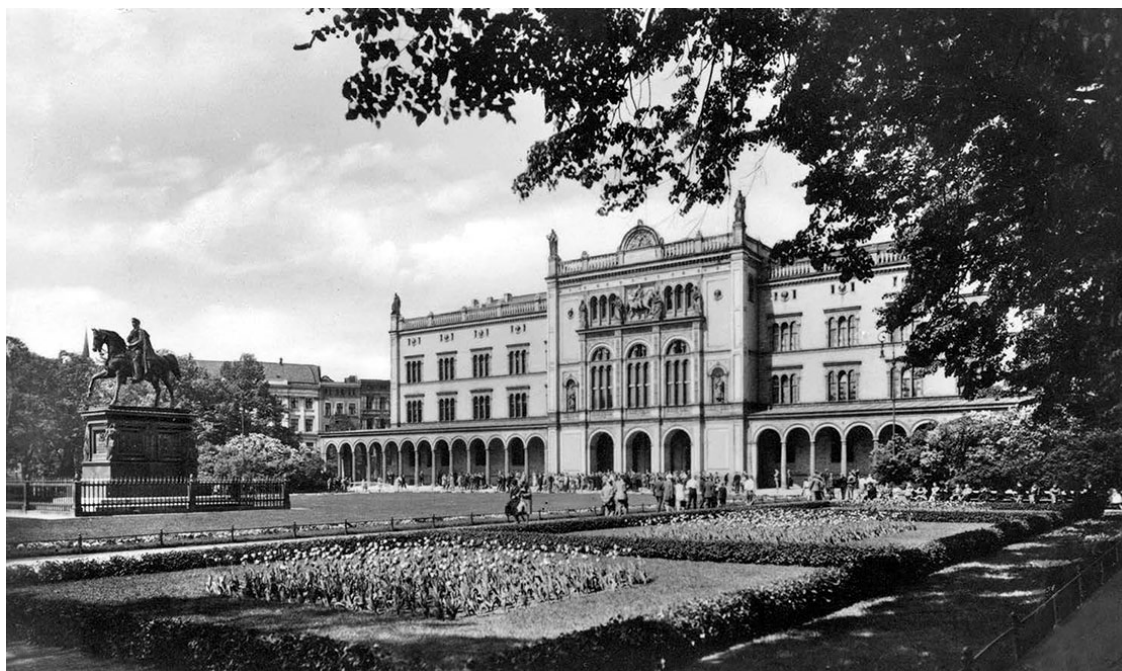
В 1569 году герцог Альбрехт Фридрих распорядился построить ещё одно здание, на северном берегу острова Кнайпхоф. Там поместились медицинские аудитории, квартиры студентов и инспектора.

В XVII веке наиболее известной фигурой в университете был Симон Дах – профессор поэзии, автор многочисленных стихов и популярной в народе песни «Анхен из Тарау». Симон Дах был главой поэтического кружка в Кёнигсберге. Чаще всего он писал «стихотворения на случай» (рождение, крещение, бракосочетание, смерть) по заказу дворян или бюргеров.

Забавно, но историки литературы считают, что прославившая Даха «Анхен из Тарау» на самом деле принадлежит поэту Генриху Альберту... Однако теперь уже в этом не разобаться.

Здание университета на острове Кнайпхоф. Вид со стороны Деревянного моста

Здание университета на Парадеплатц

В 1656 году Дах был назначен ректором университета. Примерно в то же время университет стали называть Альбертиной, а около собора появился профессорский склеп.

В XVIII веке в Альбертине трудился величайший философ и учёный Иммануил Кант.

На Парадную площадь

В 1844 году – в день празднования 300-летнего юбилея университета – на Парадеплатц было начато строительство нового здания, по проекту архитектора Фридриха Августа Штюлера.

Кстати, Штюлер при герцоге Фридрихе Вильгельме IV был придворным строительным советником и директором комиссии по возведению замков. Герцог считал себя «большим другом архитектуры» и в свободное от государственных забот время лично занимался проектированием сооружений. Говорят, все свои начинания Штюлер, часто сопровождавший герцога в поездках по стране, обсуждал лично с Его Высочеством – в том числе и идею «юбилейного» университетского здания.

...Итак, университет переехал на Парадеплатц. В старом здании осталась библиотека. На 1890 год она насчитывала 25 тысяч томов, в том числе редчайшие фолианты XVI века из «серебряного» собрания книг герцога Альбрехта, инкунабулы, рукописи, гравюры, математические приспособления. (Библиотека, как и старое здание Альбертины, сгорела во время бомбардировки города английской авиацией в августе 1944 года. После войны университетские руины были разобраны на кирпич для отправки стройматериалов в Москву, Минск и Ленинград.)

Женские фигуры

Новое здание, выстроенное в духе итальянского Ренессанса, было великолепно. В центре фасада был сооружён ризалит – выпуклая часть постройки, по всей высоте здания выступающая за его красную линию. От него в обе стороны раскинулась крытая галерея. Над каждым окном второго этажа находились медальоны – скульптуры из жёлтого песчаника, изображающие знаменитых учёных Альбертины: Канта, Гиппеля, Гербарта, Бесселя, Якоби, Гамана, Крауса, Гердера, Хагена и Бурдаха.

Кстати, два места в медальонах на юго-западной боковой стороне оставались вакантными – для будущих знаменитостей.

Ризалит был украшен особенно пышно: высокие, в полтора этажа, арочные окна актового зала; слева и справа от них, в полукруглых нишах, – скульптуры реформаторов церкви Мартина Лютера и Филиппа Меланхтона (скульптор Герман Шивельбайн); в верхней части, в центре между двумя окнами, – горельеф из жёлтого песчаника, изображающий герцога Альбрехта верхом на коне.

Здесь же, слева и справа от окон, аллегорические женские фигуры из серого песчаника, олицетворявшие четыре факультета: Философию, Теологию, Юриспруденцию и Медицину. По краям – два круглых медальона с выполненными Р. Л. Зимерингом портретами первого ректора Георга Сабинуса и поэта Симона Даха.

Венчал ризалит прусский орёл с латинской надписью: «Фридрих Вильгельм IV начал в 1844 году, Вильгельм завершил в 1862 году».

В восьми углах основного здания и возвышающегося ризалита стояли скульптуры – аллегорические изображения Истории, Законодательства, Государственного Управления и Археологии (на переднем фасаде), Географии, Математики, Физики и Астрономии (с тыльной стороны).

В секторе обстрела

Интерьер здания тоже был впечатляющим: просторный вестибюль с мраморными колоннами и сводчатым потолком, широкая парадная лестница, ведущая на верхние этажи, настенная живопись, бюсты учёных, картины в тяжёлых золочёных рамах... Кроме аудиторий, в здании имелся зал заседаний, библиотека, большой читальный зал, кабинеты для хранения коллекций гравюр, древностей и минералов.

Была здесь своя система водоснабжения, газовое освещение, кафельные печи. Туалет располагался снаружи, в отдельной постройке.

В 1925–1928 годах с северо-западной стороны к штюлеровскому университету «прилепился» флигель Роберта Либенталя (по фамилии проектировщика, известного кёнигсбергского архитектора). Там располагались большие аудитории и университетская касса, а вход во флигель украшали мраморные фигуры Исследователя и Преподавателя (работы Германа Брахерта). Внутренний дворик университета оживляли рельефы со сценками из студенческого быта (автор – Рудольф Даудерт).

...400-летний юбилей Кёнигсбергского университета праздновался 7 июля 1944 года. А в ночь с 29 на 30 августа этого же года, при бомбёжке города английскими лётчиками, здание практически выгорело. Пострадало оно также и при штурме Кёнигсберга в апреле сорок пятого – из-за того что на Парадеплатц в январе – феврале был сооружён подземный бункер коменданта Кёнигсберга генерала Ляша. Долбали-то по бункеру – а университет попал в сектор обстрела.

За колючей проволокой

Во время штурма здание лишилось арочной колоннады. И в таком виде простояло до 1963 года, когда вдруг его окружили забором из колючей проволоки и там, за ограждением, заключённые разобрали фасадную часть и за одну ночь сложили обыкновенную коробку кубической формы. Здание лишилось почти всего скульптурного убранства – за исключением пяти рельефов работы Даудерта.

Сначала там размещалась школа № 32.

Тем временем калининградский пединститут, созданный в конце сороковых годов на базе бывшей немецкой школы в переулке Чернышевского, получил статус университета – во многом из-за того, что в Кёнигсберге имела Альбертина. Не то чтобы продолжались традиции – но советский город Калининград не должен был уступать своему предшественнику...

Здание Альбертины (вернее, то, что от него осталось) было передано КГУ. Сейчас в нём размещаются биологический, химический, географический факультеты и библиотека.

В восьмидесятые годы директор университетского музея Канта О. Крупина буквально по сусекам отыскивала на задворках Калининграда уцелевшую городскую скульптуру и стаскивала во внутренний дворик КГУ. В результате из жалких остатков бывшей кёнигсбергской роскоши получилась вполне достойная экспозиция...

Диплом Атлантиды

В сентябре 1994 года, на праздновании 450-летия со дня основания университета, на месте его старого здания был установлен памятный камень. Инициаторами этой акции были профессор КГУ К. Лавринович (ныне покойный), О. Крупина и отдел по охране и использованию памятников истории и культуры мэрии Калининграда.

Кстати, областная администрация (губернатором тогда был Ю. С. Маточкин) категорически сопротивлялась – главным образом потому, что идея не была изначально согласована на Дм. Донского, 1.

Надпись на камне гласила:

«На этом месте стояло здание, в котором 17.07.1544 года был открыт Кёнигсбергский университет (Альбертина)».

И вот тут чисто по-нашенски была допущена ошибка: 15.07.1544 вместо 17.07.1544! Ошибку скоро заметили и устранили, но сохранились раритетные фотографии – в том числе и в Германии.

А уже потом, в сентябре, камень был укреплен на постаменте. Впервые тогда мэрия Калининграда увековечила память мёртвого города за свой счёт.

...Позднее всерьёз обсуждалась идея вернуть (точнее, присвоить) РГУ имя Альбертины, но... как-то всё заглохло. Наверное, потому что выпускник Альбертины, например, образца 2010 года – всё равно, что выпускник учебного заведения Атлантиды.

Кёнигсберг и Новый год

В древнем городе он совпадал с праздником Длинной колбасы

Эта «прогулка» – зимняя, по Кёнигсбергу новогоднему.

Как известно, именно под Новый год город и был основан. 14 декабря 1254 года богемский король Оттокар II вышел из Праги и направился в сторону Польши. Рождество – 25 декабря – он встретил в Бреслау (ныне польский город Вроцлав). К концу декабря 1254 – началу января 1255 года уже достиг Эльбинга (ныне Эльблонг), дошёл до Бальги, по льду залива перебрался на Фришскую косу (ныне Балтийская)... завоевал Самбийский полуостров, покориł пруссов и основал Кёнигсберг, а 18 января 1255 года был уже снова в Эльбинге.

«Бесовские игрища»

Надо сказать, что в Кёнигсберге вплоть до самого роспуска (в 1525 году) правил Тевтонский орден, который подчинялся Папе Римскому. Католическая церковь не приветствовала новогодних праздников. В Средние века за «бесовские игрища» вполне можно было и на костёр инквизиции угодить. За компанию с рыжеволосой женщиной и чёрной кошкой, которых церковники сжигали десятками...

Так что первые новогодние увеселения начались в Кёнигсберге с приходом к власти Альбрехта Бранденбургского, последнего магистра Тевтонского ордена... А самым ярким и любимым был праздник Длинной колбасы.

Первый раз он был устроен в день Нового 1520 года, когда процессия кёнигсбергских мясников важно прошествовала по всему городу, неся колбасу длиной в 41 локоть. В 1525 году колбаса имела длину уже 100 локтей, в 1535-м – 203 локтя, в 1540-м – 302, в 1558-м – 403 локтя... В 1574-м – 500 локтей. В 1583 году длина колбасы составила 596 локтей при весе 434 фунта (178,04 килограмма), для её переноски потребовался 91 (!) подмастерье.

Наибольших размеров – 1005 локтей – колбаса достигла в 1601 году:

3 мастера и 87 подмастерьев потратили на её изготовление 81 свиной окорок и 18 фунтов (7,3 килограмма) перца.

103 подмастерья в праздничной одежде тащили гигантскую колбасу (весом в 363 килограмма!). Со знамёнами и музыкой шествие двигалось от постоянного двора мясников к замку, где часть колбасы (длиной в 130 локтей) была передана герцогу и его советникам в качестве новогоднего подношения.

Далее колонна прошла по трём городам, где маленькие кусочки получили три бургомистра, три пивных мастера и три городских священника. Закончилось шествие около постоянного двора пекарей в Лёбенихте. Здесь мясники, пекари и прочие горожане вместе съели остаток колбасы, запивая её очень большим количеством знаменитого лёбенихтского пива.

Пекари взяли реванш на Крещение – 6 января 1601 года. К постоянному двору мясников они торжественно принесли 8 большущих (в 5 локтей длиной) батонов с изюмом, которые были выпечены из 12 четвериков пшеничной муки и 2 фунтов аниса и украшены коронами, звёздами и гербами из пряничного теста.

С тех пор слава о Длинной колбасе и Больших батонах с изюмом разнеслась далеко за пределы Восточной Пруссии.

«С высоты небес»

Ещё одна новогодняя кёнигсбергская традиция связана с музыкой.

Городские музыканты впервые упоминаются в исторических документах, датированных 1390 годом. А в 1413 году был образован Цех играющих людей. Около 1650 года бывшие замковые музыканты стали городскими. Они жили в городских воротах, играли на частных и массовых торжествах, а на Рождество ходили по городу и трубили на улицах хоралы. В Сочельник – при любой погоде – трубачами и тромбонистами исполнялся хорал «С высоты небес».

Зрелище было впечатляющим: десять человек в чёрных шляпах с начищенными до блеска медными музыкальными инструментами двигались от дома к дому. Они трубили под окнами до тех пор, пока в квартирах не зажигались свечи на ёлках, – и лишь тогда отправлялись дальше, сопровождаемые визжащей от восторга ребятнёй...

Вообще же с 1796 года с замковой башни музыканты на тромбонах исполняли три хорала ежедневно.

«СЛИВОВЫЙ МЕЛОК»

Под Новый год немцы любили не только поесть колбасы и послушать хоралы, но и просто – плотно и вкусно покушать. Фирменными кёнигсбергскими блюдами были «Kreide» – «мелок» (сладость, состоящая из фиников, приправленных гвоздикой, измельчённым имбирём и другими пряностями). При герцоге Альбрехте вошло в моду преподносить «мелок» на свадьбы.

А в начале XX века в Кёнигсберге был популярен так называемый «сливовый мелок». Его подавали к супам (немецкие супы по своей консистенции больше напоминают пюре).

Любили жители города и «Schwadengruetze» – «вилок» разваренной крупы с приправами и сахаром (условно говоря, комок, слепленный из очень густой каши). Кроме того, всеобщей любовью в народе пользовались «Flibb» (или Flipp) – яичный коктейль, с середины XIX столетия – тёплое пиво с сахаром, пряностями, мукой, для крепости и аромата щедро одобренное ромом (к примеру, лёбенихтское коричневое пиво с «искрой»).

Общеупотребительны были «Grene Ersen mit Speck» (серый горох с салом), «Kartoffelbrei mit SpirKeln» (картофельное пюре со шпиркельном – от этой еды заметно округлялся живот), «Belten-Bartseh» (столовая свёкла, отваренная, очищенная от кожуры, разрезанная на кусочки; подавалась с подливкой из масла или маргарина, пшеничной муки, бульона, соли и лимонного сока; в бульоне могли плавать маленькие фрикадельки – дешево и сердито, и повышала гемоглобин в крови).

«Творожный упрямец»

Кёнигсбергские сладёны обожали «Schmand und Glumse» – это блюдо ещё называлось «творожный упрямец» (сливки и творог).

Впрочем, горьким жители города интересовались не меньше, чем сладким. Фирменные кёнигсбергские шнапсы носили названия, от которых за версту тянуло настоящим немецким юмором. Например, «Pregelgestank» («Прегельская вонь»). Напиток был особенно популярен среди гребцов. Этот шнапс на редкость хорошего качества производился в Гросс Хольштайне (ныне посёлок Прегольский, Октябрьского района), а название его «навечно» специфической прегольской вонью, которой сопровождаются западные шторма и нагонные ветры.

А ещё «Blutgeschwuer» («Кровавая язва») – излюбленный шнапс кёнигсбергских грузчиков. Он смешивался из яичного коньяка и вишнёвого ликёра. В дальнейшем «Кровавую язву» переименовали в «Speicherratte» («Складскую крысу»).

А вот шнапс «Elefantendubs» («Подозрительный слон») подавался в заведении Винклера с яичницей-глазуньей.

Марципаны, флек и клопсы

Покупая гамбургер, мы вряд ли задумываемся над тем, что способ приготовления этой «типа, американской» булочки с мясом и зеленью происходил из Гамбурга. Нашему городу посчастливилось иметь целых три блюда, в название коих входит его прежнее имя.

Это кёнигсбергские марципаны, флек и клопсы.

Первоначально марципан был восточным кондитерским изделием. Ещё в Средние века он пришёл в Венецию с Кипра и из Греции, а из Венеции его занесло в Любек – и в Кёнигсберг. Первые появившиеся здесь марципаны были подарены 1 июня 1526 года к свадьбе герцога Альбрехта и датской принцессы Доротеи. Были эти экзотические лакомства круглой формы, с сахарной массой внутри и засахаренными фруктами снаружи. Позже марципаны, обладающие целебными свойствами, стали продаваться в аптеках.

Кёнигсбергская открытка

Новогодний Кёнигсберг, 1901 год

Кёнигсбергскому марципану обычно придавали форму сердечка. Процесс его приготовления достаточно долгий и кропотливый, но... результат того стоит. Для изощрённых гурманов, а также хозяек, которые мечтают найти путь к сердцу мужчины через его желудок, приводим рецепт. Нужно взять полкило сладкого миндаля, 8–10 горьких миндалин, 375 грамм сахарной пудры и розовую воду.

Миндаль обдают кипятком, затем кладут в холодную воду и тщательно промывают. После этого кладут на белую ткань для просушки. Затем перемешивают с сахарной пудрой и разламывают. Из этой массы на розовой воде замешивают густое (но не влажное!) тесто. (Масло миндаля при этом выступает и «связывает» массу.) Затем тесто кладут в фарфоровую чашку и ставят на одни сутки в прохладное место. Вечером следующего дня тесто раскатывают в «сердечные» формы. После чего запекают в духовом шкафу.

До полного изумления

Теоретически, можно попытаться приготовить и кёнигсбергский флек (он приобрёл всеобщую известность ещё в XVI веке). Торговки предлагали его на городских рынках, а в районе складов на Шанценгассе (ныне начало улицы Портовой) был популярный в массах ларёк по продаже флека.

В XIX веке флековый ресторан Хильдебранда находился на Унтеррольберге (ныне район городской библиотека имени Чехова на Московском проспекте).

...Разрезанный говяжий кишечник вываривают четыре-пять часов и – ещё горячим – заправляют солью, перцем, майораном, уксусом и плодовым соком. Ешь – и чувствуешь себя жителем Кёнигсберга.

А можно расстараться и по части кёнигсбергских клопсов. Говядину и свинину (фифти-фифти), чёрствый хлеб, яйца, лук, перец, соль пропускают через мясорубку, из фарша лепят фрикадельки и варят.

В качестве подливки с мукой смешивают лимонный сок, яичный желток, добавляют лавровый лист, каперсы, пряности...

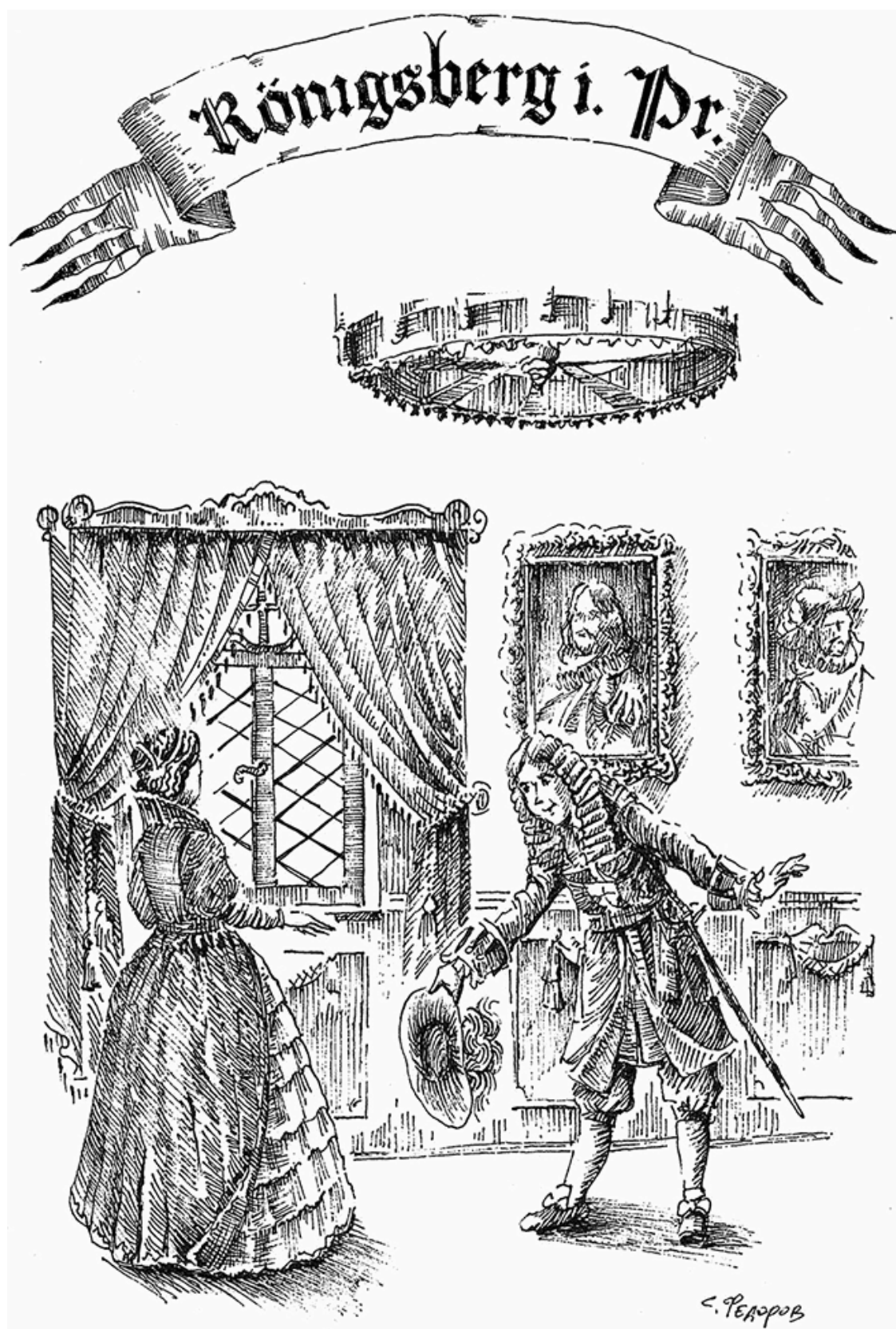
Так что у особо «продвинутых» хозяев есть шанс устроить оригинальную вечеринку в восточнопрусском духе: скатерть в крупную красную клетку на столе, свечи, рождественский венок на окне или в дверном проёме (на ниточке)... ну и водка (шнапс), клопсы, флек, барч (та самая свеколка).

А привычный тазик с салатом «оливье» можно выставить позже – когда гости по-русски нарежутся «шнапса» до полного изумления... так, что «шпрехать» начнут исключительно по-немецки. Чтоб было во что падать личиком. А то как же без этого? Праздник!

«За тех, кого с нами нет»

Кстати, в послевоенное время в Германии фирма «Швеллер» начала выпускать кёнигсбергские марципаны. Венгры производят консервы с «кёнигсбергскими клопсами», у поляков можно отведать флека (они называют его «фляк»). И только город, где родились рецепты этих блюд, их и не нюхивал.

Впрочем, не всё потеряно! С праздником вас, дамы и господа! И когда за столом вы поднимете бокалы «за тех, кого с нами нет», помяните и Кёнигсберг.

Брачные узы Кёнигсберга

На возлюбленной Петра I женился посланник Пруссии барон фон Кейзерлинг

Письма утопленника

Кейзерлинг (в старину Keselingk) – древний германский род, происходящий из Вест-фалии и переселившийся в Курляндию во второй половине XV века. Три линии этого рода получили в XVIII веке графский титул в Пруссии, одна – приобрела графское достоинство Римской империи. История этого блестящего рода теснейшим образом переплетается с... российской историей.

Как только приоткрылось «окно в Европу», фамилия Keyserlingk стала довольно часто звучать при российском дворе.

Так, Георг Иоганн фон Кейзерлинг, бывший прусским посланником при дворе Петра Великого, умудрился влюбиться в Анну Монс, фаворитку Петра. Известно, что Анна Монс была первой – и самой нежной – любовью Петра. Ради фрейлен из Немецкой слободы – юной Анхен, похожей на фарфоровую куколку, – царь постриг в монахини свою законную жену, злополучную Евдокию. Он всерьёз собирался возвести любовницу на трон – и лишь опасаясь «набата» (то бишь народного возмущения – к немцам на российском троне в те времена православные ещё не привыкли), медлил почти десять лет.

А когда «вошёл в пору» (и мог позволить себе всё, что угодно, – сильным стал!), оказалось, что Анхен любит другого. И крутит с ним амуры под носом у Петра.

Истина вскрылась случайно: счастливый избранник Анны Монс, саксонский посланник Кёнигсек, утонул под Шлиссельбургом, свалившись в воду при переправе. Как дипломат, он мог иметь при себе секретные бумаги. Пачку писем, бережно хранимых Кёнигсеком на груди, выудили, высушили и передали Петру... который – вместо предполагаемой диппочты – обнаружил любовные послания своей Анны – сентиментальные, слащавые, глупые...

В постели «подлой девицы»

Любопытно, что связь Анны Монс с Кёнигсеком началась в то самое время, когда Пётр был... в Кёнигсберге! Он, инкогнито, работал на верфях, учился кораблестроению, фортификации, артиллерийскому бою и мечтал о том, как воздвигнет новую столицу – где будут такие же, как в Кёнигсберге, аккуратные дома, в домах появятся картины и фарфоровая посуда, люди научатся пить кофе и пиво, слушать музыку и танцевать под фисгармонию... Пётр был влюблен в Кёнигсберг – первый европейский город, который он увидел... А его фаворитка, увы, влюбилась в красавчика Кёнигсека – такого галантного, опрятного... так непохожего на «варвара» Петра.

Было бурное объяснение, Пётр обвинял изменницу в неблагодарности, плакал... потом благородно пообещал, что Анна ни в чём не будет нуждаться... и тут же «запечатал» её под домашний арест, без права посещать кирху. Три года Анна Монс безвылазно просидела в своём каменном доме, построенном в Немецкой слободе на деньги российской казны...

Гости охотно посещали «прекрасную узницу», и в их числе был Кейзерлинг, друг утопшего Кёнигсека. Немолодой, хромой, он посещал Анну на правах утешителя. А затем, как считают некоторые историки, братец Анны Виллем разыграл виртуозную партию: Анне он внушил мысль о том, что только Кейзерлинг может добиться от Петра снятия опалы, – а Кейзерлингу прозрачно намекнул, что Анна очарована мужскими достоинствами посланника Пруссии. Кейзерлинг сделал Анне Монс предложение. Она – утомлённая десятилетним положением фаворитки, таким высоким, но таким непрочным – была готова выскочить за любого, кто предложит ей достаток и место в обществе.

Кейзерлинг отправился к Петру просить согласия на брак, но... попал под горячую руку. Разговор с Петром (который накануне «зело поручался с Ивашкой Хмельницким»... то бишь с похмелья был зол как собака) закончился потасовкой. Причём Кейзерлинг, над которым подтрунивал Меншиков, намекая на несостоятельность посланника в постели «подлой девицы Монс», с которой он, Меншиков, якобы и сам неоднократно «тешился», – обозвал Алексашку нехорошим словом по-русски и сцепился с ним врукопашную. Пётр посоветовал «другу сердешному», Кейзерлингу «напинали и наподдали» и даже спустили его с лестницы...

Разрешение на брак

По идее, после такого конфуза Кейзерлинг должен был уехать из России. Но прусский посланник ограничился тем, что проинформировал своего короля об «инциденте» (несколько сгустив краски, но умолчав о первопричине столкновения), а Меншикова вызвал на дуэль.

Чтобы погасить назревающий международный скандал, Пётр запретил Алексашке драться с Кейзерлингом, а виноватыми были объявлены... гвардейцы, стоявшие в тот день в карауле! Их даже приговорили к плахе, но за бедняг заступился прусский король Фридрих I, и казнь отменили.

Против Анны Монс было возбуждено дело: якобы она прибегла к услугам ворожеи, чтобы вернуть Петра. По делу арестовали около 30 человек; дом, подаренный Петром, был конфискован в казну...

Георг Иоганн фон Кейзерлинг оставался верен возлюбленной, попавшей в жестокий переплёт (и за меньшее людей в то время ломали на дыбе). Дело было прекращено. Пётр дал разрешение на брак, и 18 июня 1711 года Кейзерлинг женился на своей драгоценной Анхен в Немецкой слободе... а через несколько месяцев скончался по дороге в Берлин.

Ещё три года Анна фон Кейзерлинг вела тяжбу за курляндское имение мужа со старшим братом покойного – ландмаршалом прусского двора...

В марте 1714 года она победила... чтобы в августе этого же года умереть от чахотки. Судьба её сына от брака с Кейзерлингом неизвестна.

...Историки полагают, что если бы фон Кейзерлинг не «возник» в окружении опальной Анны с предложением руки и сердца... то очень может быть, что со временем Пётр простил бы ей Кёнигсека. Простил же он потом Екатерине всех её мужиков и своего же «сердешного друга» Меншикова. А если бы на престол взошла Анна Монс (кстати, по некоторым сведениям, имевшая от Петра ребёнка, которого тот не признал), кто знает, какой была бы вся последующая история России...

При дворе императрицы

Ещё один фон Кейзерлинг, оставивший заметный «кёнигсбергский» след в российской истории, – Герман Карл.

Герман Карл фон Кейзерлинг получил образование в Альбертине, где его наставниками были Иоганн Бекенштейн и Готтлиб Байер (впоследствии российские академики). По-видимому, там же, в Альбертине, он и познакомился с Эрнстом Иоганном Бироном, происходившим из старинного, но небогатого рода курляндских дворян.

Эрнст Иоганн отнюдь не относился к примерным студентам. Он много пил, играл на деньги, а однажды, будучи крепко поддавшимся, убил часового...

И был вынужден оставить университет, не завершив курса. После чего решил поискать счастья в России, но неудачно.

Герман Карл фон Кейзерлинг составил ему протекцию, пропихнув ко двору герцогини курляндской Анны Иоанновны. Но Бирон схлестнулся с Бестужевым-Рюминым, управлявшим имениями герцогини, и вновь остался не у дел. Снова он попал ко двору лишь через несколько лет – и снова благодаря фон Кейзерлингу. Когда Анна Иоанновна заняла российский престол, Бирон стал её фаворитом.

В 1737 году Бирона, целиком зависящего от благоволения императрицы Анны Иоанновны, возвели на трон герцога курляндского (с этой целью Кейзерлинг был послан в Курляндию с дипломатической миссией).

Интересно, что сам Кейзерлинг, похоже, не извлёк никаких ощутимых выгод от своей услуги Бирону (в чьих руках на тот момент была сосредоточена практически вся власть – императрица, изводя Бирона мелкими капризами, в государственных делах покорно следовала его «почтительнейшим советам»).

Более того, Кейзерлинг, став президентом Российской Академии наук, за короткое время своего правления сумел не только с прусской дотошностью упорядочить отчётность академических сумм, но и принял на службу в академию литератора В. К. Тредиаковского, которого обязал «вычищать язык русской, пишуци как стихами, так и не стихами».

В то время, когда всё русское в Петербурге считалось «второсортным», а царский двор говорил преимущественно по-немецки, фон Кейзерлинг учился у Тредиаковского «русскому языку». Отправленный затем в дипломатическую командировку, Кейзерлинг снабдил своего преемника – барона Корфа – подробнейшей инструкцией по управлению академией. А в числе первоочередных настоятельных потребностей указал... сочинение русской грамматики.

Бах против бессонницы

Кстати, с этим Кейзерлингом связана ещё одна история, навсегда вписавшая его имя в мировой музыкальный контекст: искренний почитатель Иоганна Себастьяна Баха, он, будучи послом России в Дрездене, добился назначения Баха придворным композитором короля польского и курфюрста Саксонского... А через несколько лет Кейзерлинг, которого часто мучила бессонница, попросил Баха написать элегантную, изысканную, яркую пьесу, чтобы молодой пианист Гольдберг, живший в одном доме с графом, мог играть её на клавесине, скрашивая фон Кейзерлингу ночи, проводимые без сна.

Бах написал серию вариаций, известных как «Гольдберг-вариации», – и получил за свой шедевр золотую шкатулку, наполненную сотней золотых луидоров.

Кстати, Бах в финале «Вариаций» пошутил над своим покровителем весьма рискованно, вплетя в основную мелодию аккорды известной в то время песенки «Капуста и репа», где имелись такие, к примеру, строчки: «Если бы моя мать кормила меня мясом, а не овощами, я бы остался у тебя дольше».

Намёк на мужскую слабость едва ли был приятен Кейзерлингу... но «Гольдберг-вариации» он всё же очень любил. Ценители классической музыки считают, что памятник графу надо ставить уже за то, что он сыграл такую важную роль в создании великолепного произведения Баха...

Китобой, геолог, философ, шпион

Среди российских потомков фамилии Кейзерлинг много примечательных людей. Трое из Кейзерлингов состояли последовательно в должности председателя Царскосельского уезда.

Граф Гуго фон Кейзерлинг основал Тихоокеанское рыбопромышленное акционерное общество и первым в Приморье стал заниматься китобойным промыслом, добывая до сотни китов в год.

Александр Кейзерлинг был одним из первых русских геологов – и единственным в России, кому Дарвин послал первое издание своей теории происхождения видов... Кстати, в одну из экспедиций – по Коми – Александр отправился вместе с сыном мореплавателя Крузенштерна... надо ли говорить о том, что парусник «Крузенштерн» имеет самое прямое отношение к бывшему Кёнигсбергу?..

Герман Кейзерлинг стал известным философом, протестовавшим против рационализма, отрывающего человека от его эмоциональных корней. В 1930 году он писал: «Но Европа сможет целенаправленно продвигаться по своему новому пути лишь в том случае, если благодаря столкновению с Америкой она переживёт определённое возрождение».

Он же, отлично говорящий по-русски, помог молодому Николаю Бердяеву, написав предисловие к его книге «Смысл истории», напечатанной в Германии.

Ещё один Кейзерлинг – чиновник для особых поручений – за свою относительно короткую жизнь в России успел проинспектировать амурскую каторгу, выкрасть секретные документы из осаждённого Порт-Артура, поруководить земством под Петербургом, сопровождать цесаревича в поездках по Забайкалью, а также был обвинён в шпионаже и заключён в Петропавловскую крепость, организовывал поставки продовольствия на фронт в годы Первой мировой, сидел в ГУЛАГе... И навсегда сохранил любовь к стране, которую он считал своей родной, хотя появился на свет в Кёнигсберге.

Юный Кант и графиня

Среди тех фон Кейзерлингов, которые не покидали Восточной Пруссии, наиболее примечательны Гербхарт Иоганн фон Кейзерлинг, его супруга Каролина Амалия (в девичестве имперская графиня Эрбтрухзес цу Вальдбург) и её второй муж – Генрих Христиан фон Кейзерлинг (двоюродный племянник первого супруга).

Каролина Амалия, родившаяся в Кёнигсберге в 1724 году, была натурой неординарной. В имении её мужа Раутенбург (ныне посёлок Малиновка, Заповедненского сельского округа, Славского района), что в 20 километрах от Хайнрихсвальде (ныне Славск), в качестве домашнего учителя детей графа работал молодой Иммануил Кант. Там он прошёл хорошую жизненную школу, пригляделся к людям и приобрёл те самые изящные манеры, которыми впоследствии приятно удивлял всех, кто ожидал найти в нём записного кабинетного анахорета, способного по рассеянности есть рыбу с помощью ножа...

А главное – очень может быть, что именно графиня Кейзерлинг стала первой любовью Иммануила Канта. По крайней мере, он её рисовал.

А молодая красавица-аристократка, в свою очередь написавшая портрет домашнего учителя, чрезвычайно увлеклась философией. Или – философом, который был очень даже ничего: сухощавый блондин с румянцем на щеках и серо-голубыми глазами. До конца своих дней он имел право на почётное место за столом графини Кейзерлинг – и охотно им пользовался.

С Каролиной Амалией Кант, по его словам, имел «первый учёный разговор об искусстве». Она занималась живописью, переводила французские книги, писала пьесы, вышивала золотом изысканные обои, ставила в саду любительские спектакли, немного занималась естественными науками... и с лёгкостью поддерживала самые «умные» беседы. А их за столом фон Кейзерлингов велось предостаточно: первый супруг Каролины Амалии являлся членом масонской ложи.

Интересно, что эта «Ложка трёх корон» возникла в Кёнигсберге во время Семилетней войны при содействии русских офицеров. В ложу входили известные в городе купцы, высшие чиновники, профессора, студенты, книгоиздатели, аристократы... и подполковник А. В. Суворов, навещавший своего отца губернатора, и Григорий Орлов, будущий екатеринский фаворит, находившийся в Кёнигсберге на излечении после ранения.

«Обиталище Муз»

Гербхарт Иоганн фон Кейзерлинг умер, когда жене его было 37 лет, успев подарить ей и двум сыновьям роскошный дворец на берегу Замкового пруда.

Через два года вдова вышла замуж вторично – за 36-летнего графа Генриха Христиана фон Кейзерлинга, который приходился двоюродным племянником её усопшему супругу и родственником ей самой (его покойная жена была тёткой Каролины Амалии).

Замковый пруд

Генрих Христиан получил образование в Лейпциге, Галле и Гессене. Служил в армии, сопровождал отца в путешествиях по Европе, выполнял деликатные поручения российского двора. Его брак с Каролиной Амалией был основан не столько на пламенной страсти, сколько на обоюдном увлечении изящными искусствами.

Генрих Христиан перебрался во дворец супруги, который вскоре в Кёнигсберге стали называть «Обиталищем Муз». Здесь принимали всех образованных дворян и «продвинутых» буржуа провинции.

Каролина Амалия была свободна от сословных предрассудков. В качестве гувернёра сыновей в «Обиталище» жил известный учёный Христиан Якоб Крауз («неблагородного» происхождения). Здесь часто бывал и публицист Гиппель (он происходил из бедной семьи протестантского священника и шокировал порядочных горожан своей трагической любовью к проститутке, покончившей жизнь самоубийством). Здесь ужинали музыкант Карл Готтлиб Рихтер, профессор красноречия Андреас Мангельсдорф, пианист-вундеркинд Иоганн Фридрих Райхардт (маленький мальчик, чей отец учил графиню игре на лютне).

Генрих Христиан фон Кейзерлинг был очень музыкален, а вдвоём с женой увлекался собиранием картин. Именно для того, чтобы должным образом разместить коллекцию произведений искусства, он купил соседний дом, объединил его с дворцом и перестроил во вкусе рококо. Получилось настоящее Обиталище прекрасного, где царила Каролина Амалия. Сама она, кстати, внешней красотой не отличалась, но всегда безупречно выглядела и,

по свидетельству очевидцев, вплоть до своей смерти в возрасте 67 лет имела поклонников, причём некоторые из них были моложе её сыновей.

Увлечена Россией

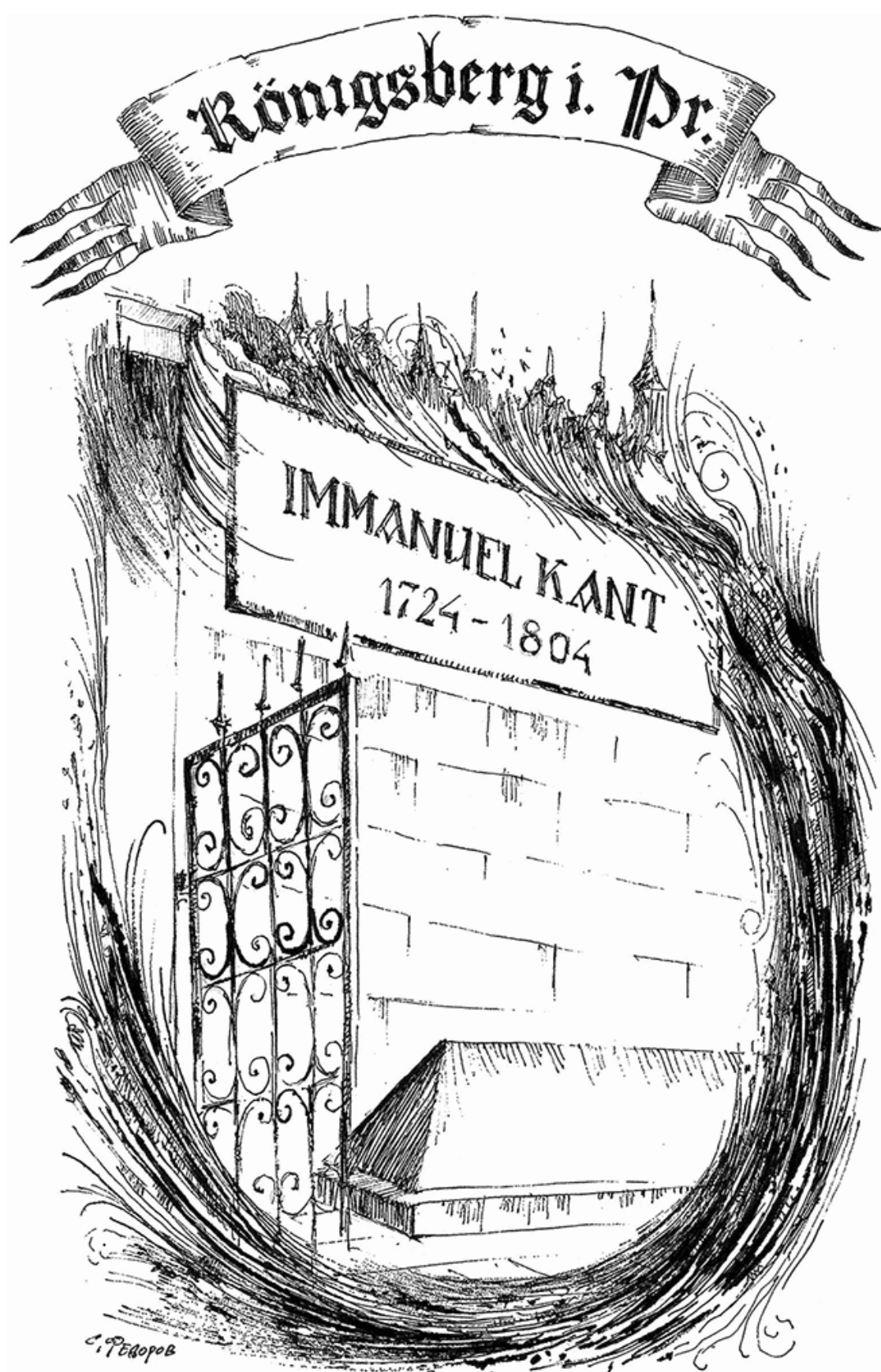
Блестящий салон фон Кейзерлингов посещали и царствующие особы – король Фридрих Вильгельм II, будущий российский император Павел... Великие учёные, артисты... княгиня Дашкова (ещё не президент Российской академии).

В 1787 году граф фон Кейзерлинг скоропостижно скончался. Графиня пережила его на четыре года. «Обиталищу Муз» пришёл конец: вскоре сын Каролины Амалии Альбрехт Иоганн Отто (второго наследника уже не было в живых) продал величественное здание за 20 тысяч талеров механику Лойалу. Тремя годами позже тот перепродал его директору банка Крюгеру за 24 тысячи талеров. У того, в свой черёд, оно было куплено за 32 тысячи талеров королём – как дворец для кронпринца. Однако уже в 1814 году там разместился штаб военного корпуса, в 1830-м здание стало использоваться под жильё командующего военным корпусом и пребывало в этом качестве вплоть до 1944 года.

Во время бомбардировки Кёнигсберга «Обиталище Муз» сгорело. А после войны его останки были традиционно разобраны на кирпич.

...Больше таких семейств, как эти фон Кейзерлинг, Восточная Пруссия не знала. И вообще – по иронии судьбы, в мировой истории так или иначе прозвучали лишь те Кейзерлинги, которые служили России. Или хотя бы как-то осознавали свою к ней причастность. Видимо, теория Гиппеля нашла, таким образом, своё подтверждение: для Кёнигсберга все блестящие личности были нестерпимо ярки, и бюргерский город или «гасил» их – или «выдавливал», а вот в России они начинали сверкать в полную силу... «купая» в отражённом свете главный город своей провинции. Так тесно с Россией связанный – и прежде всего, на ментальном уровне, – что невольно вспоминается Борис Гребенщиков. Который сказал: «В России рождаются те, кому нужно исправить карму».

А кто же тогда рождается в Кёнигсберге-Калининграде?..

«Мы дошли до твоей могилы!»

От Кёнигсберга остался только Иммануил Кант

«Кёнигсберг – это история преступлений Германии. Всю свою многовековую жизнь он жил разбоем, другая жизнь ему была неведома» – так писала в 1945 году газета «Правда». Хотя о том, что на самом деле всё совершенно иначе, знали даже первые переселенцы. Те самые, которые оставляли надписи на стенах усыпальницы Канта: «Теперь ты понял, что мир материален?» или «Думал ли ты, что русский Иван будет стоять над твоим прахом?». Или совсем просто: «Мы дошли до твоей могилы».

Странный человек

Действительно, в истории мировой цивилизации Кёнигсберг остался, прежде всего, как город, связанный с именем Канта. Больше двухсот лет прошло со дня смерти философа, но интерес к его наследию, кажется, всё возрастает. Пожалуй, ни один мыслитель прошлого и настоящего не способен в такой мере, как Иммануил Кант, объединять вокруг себя целые армии исследователей, причём не только узких специалистов, «производящих» работы по разным темам кантовской философии.

Об этом странном человеке известный немецкий поэт Генрих Гейне сказал: «Изложить историю жизни Канта трудно. Ибо не было у него ни жизни, ни истории...»

Да, этот учёный, ни разу не покидавший Восточной Пруссии (и всего три раза в жизни выезжавший за пределы Кёнигсберга, чтобы поучительствовать в «медвежьих углах» провинции), этот, казалось бы, воплощённый анахронизм и сегодня, в XXI веке, является вдохновителем, а иногда и равноправным участником многих ультрасовременных дискуссий. Глобализация, соблюдение прав человека, стремление к всеобщему миру, человек как «абсолютная ценность» (тезис, несовместимый с религиозным фанатизмом) – вот лишь краткий перечень кантовских тем, актуальных для современного общества.

Парадоксально, но факт: личная жизнь Канта, сосредоточенная внутри его тесной «малой родины», протекавшая (по крайней мере, внешне) без кризисов и драматических всплесков, – гораздо интересней, чем жизнь иного записного ловеласа или бретёра, всегда готового к дуэли «на десяти шагах».

Разрушить ворота Крумме-Грубе

Кант родился в городе, который считался довольно большим, хотя на самом деле всё ещё был «собранием маленьких городов». Ещё в 1709 году (за пятнадцать лет до того, как будущий «господин профессор» появится на свет в семье небогатого многодетного шорника) стены, ворота и рвы с водой разделяли Альт-штадт, Кнайпхоф и Лёбенихт – и каждая из общин ревностно наблюдала, чтобы сосед не ущемил её территориальных, административных и судебных прав.

А когда король распорядился разрушить ворота Крумме-Грубе, отделявшие Альтштадт от Лёбенихта, жители обоих «свободных городов» резко этому воспротивились, утверждая, что «это неизбежно приведёт к большим ночным беспорядкам из-за шныряющих вокруг пьяных бродяг, а также придётся опасаться многочисленных краж и тому подобных преступлений».

Правда, король – практичный и бережливый Фридрих Вильгельм I – настоял на своём. В 1724 году Альтштадт, Кнайпхоф, Лёбенихт и примыкавшие к ним свободные поселения были-таки объединены. В один административный аппарат слились магистраты и суды; появилось общее управление городом, бастионные укрепления повсеместно приговаривались «под снос»...

Свины резвились в центре города

Но Кёнигсберг оставался глубоко провинциальным. В трёх старых городах узкие, крытые черепицей дома стояли плотно друг к другу на тесных улицах, за каждым домом был сад, в стороне – склад для дров. При многих домах имелись и приусадебные участки. Улицы, по выражению одного из побывавших в Кёнигсберге французских путешественников, «извивались как ленточные черви» – беспорядочно, во всех направлениях. Удаление мусора и сточных вод ещё не практиковалось. Ящики с навозом только-только начали убирать с улиц (вплоть до конца XVII века их вообще выставляли перед домами, а потом – не одно десятилетие! – они «украшали» собой дворы и углы). Свины беспрепятственно резвились в центре города.

Первое, весьма скромное, освещение было введено в 1731 году – через семь лет после рождения Канта. До этого в тёмное время суток ходить по Кёнигсбергу было рискованно: припозднившегося путника могло «занести» в канаву; он мог упасть носом в грязь, запнувшись о лежащую поперёк дороги бродячую собаку; его могли облить помоями из окон... А главное – кому-то он мог прийти не по нраву, потому что «свои в это время по домам сидят». А с чужими, которые по улицам шастают, – разговор короткий.

«Добрые старые пытки» ещё господствовали в судейском делопроизводстве. А общинная виселица будет ещё целое столетие маячить перед Россгартенскими воротами, слева от Кунценерштрассе, по направлению к Кранцу (ныне Зеленоградск).

«Пристанище пиетистов»

...Улицы (если не целые районы) заселялись преимущественно представителями одной нации или одной профессии. В Форштадте, где родился Кант, в основном жили сапожники, пекари, старьёвщики, игольщики, парикмахеры, сыромятники, жестянщики, пуговичники, торговцы пряностями, хозяева постоянных дворов – короче, мелкие ремесленники. Согласно семейному преданию, предки Канта происходили из Шотландии. Фамилия их писалась по-разному: Канд, Кант, Сант, Кандт... Много позже дотошным биографам удалось установить, что прадед Канта родился в Курляндии, в местечке Прекуле, которое нынче находится на территории Латвии. Шотландские корни оказались не более чем мифом. Который, впрочем, льстил Канту.

Мать Канта, Анна Регина, была на четырнадцать лет младше своего мужа, но жила с ним «мирно и в благочестии». Позже Кант говорил друзьям: «Никогда, ни разу я не слышал от моих родителей чего-нибудь неприличного, никогда не видел чего-либо недостойного».

Анна Регина была очень набожной женщиной. Но, назвав сына в честь святого Иммануила (дословно имя обозначает «С нами Бог!»), она, уже потерявшая двоих детей, не стала уповать лишь на промысел Божий. Видя только один путь к спасению мальчика, с первых месяцев жизни имевшего хилое здоровье, она начала усердно закалять его и требовать от своего «Манельхена» (так ласково называли маленького Иммануила) выполнения физических упражнений и соблюдения строжайшего распорядка дня.

Почему из девяти детей именно «Манельхен» стал материнским любимцем? Может, потому что он больше, чем другие дети, был похож на неё внешне? Или потому что он, слабосильный, застенчивый, рассеянный, казался ей совершенно неприспособленным к жизни в мире, где и здоровому, крепкому трудно? А может, она, женщина умная и, судя по всему, незаурядная, поняла, что ей выпала великая честь стать матерью Гения?..

Так или иначе, Анна Регина настояла на том, что Иммануил – единственного из всех! – отдала учиться в Фридрихсколлегиум – Пиетическую школу, которая находилась на Ягерштрассе (теперь это начало улицы 9 Апреля). Церковной школы при госпитале Святого Георга, куда Иммануил начал ходить, когда ему исполнилось шесть лет, Анне Регине показалось мало.

И хотя муж её с трудом тянул оплату за обучение сына в учебном заведении, считавшемся привилегированным, – Кант оставался в «пристанище пиетистов» вплоть до поступления в университет.

Философская дамба

Занятия в Коллегии Фридриха начинались в семь утра, но школьники должны были находиться на месте ещё до шести. Полчаса они молились, потом шли уроки – до четырёх часов пополудни... Перед каждым уроком читалась молитва. Занимались много и напряжённо. Изучали математику, богословие, музыку, греческий, древнееврейский, французский, польский, латынь...

Анна Регина, словно чувствуя, что недолго ей доведётся баловать своего «Манельхена», проводила с ним почти всё свободное время. Часто они гуляли вдоль Прегеля или по Филозофендамм. Так – «Философской дамбой» – называлась пешеходная дорожка по насыпи среди заливных лугов западнее нынешней улицы Серпуховской. (Кстати, название появилось задолго до того, как эту тропу стали связывать с именем Канта.)

Мать обращала внимание сына на различные явления природы, учила его распознавать полезные корни, с благочестивым восторгом говорила о доброте и мудрости Бога... Она умерла, когда Канту исполнилось тринадцать лет.

Многие специалисты в области психологии считают, что именно этому трагическому обстоятельству Кант обязан своим последующим безбрачием. Культ покойной матери, которую Кант считал самой красивой, умной и доброй женщиной на свете, «затормозил» его влечение к дамам.

Анне Регине было всего сорок лет. Её младшему сыну, брату Иммануила, только-только стукнуло два годика.

Стеклянная стена

Надо сказать, что Кант впоследствии редко вспоминал о жизни в родительском доме. Он много и охотно говорил о матери, всегда – с благоговейным восторгом; иногда почти-тельно отзывался об отце, но почти никогда – о братьях и сёстрах. С родственниками он практически не общался (с сёстрами, жившими в Кёнигсберге, не разговаривал в течение 25 лет).

Конечно, это отчуждение можно объяснить разницей в воспитании, образовании и жизненных интересах: дескать, с одной стороны – «господин профессор», а с другой – сёстры, которые поначалу мыкались в прислугах, а потом повыходили замуж за мелких ремесленников. Но... думается, истоки «стеклянной стены» между Кантом и его кровными родственниками гораздо глубже. Он подсознательно не мог простить старшим сёстрам того, что они дольше знали материнскую ласку (кстати, с младшим братом – рано осиротевшим «товарищем по несчастью», Кант позднее будет состоять в оживлённой переписке). А сёстрам наверняка казалось, что разорением родительского гнезда они обязаны именно стремлению покойной матери вывести «любимчика» в люди.

...После смерти матери хозяйство в доме стала вести старшая дочь. Естественно, в силу юного возраста и неопытности, она не справлялась с этой трудной задачей. Семейство вконец обнищало. Вскоре отца хватил удар, и в 1746 году он умер.

Карты, деньги, два шара

В этом же году Иммануил Кант уходит из университета: жить ему решительно не на что.

Любопытная деталь: дом, в котором родился Кант, был разрушен. Сначала его снесли и на его месте построили пивной кабачок, потом кабачок сгорел. Его отстроили – и он сгорел снова. Дом восстановили... чтобы в начале XX века снести, а на его месте воздвигнуть здание из красного узорчатого кирпича... которое было уничтожено в ночь с 29 на 30 августа 1944 года во время налёта на Кёнигсберг английской авиации.

Сейчас на этом месте находится магазин (что-то типа «Мехх» на Ленинском проспекте). Таким образом, от места, где прошли первые шестнадцать лет жизни великого философа, ничего не осталось. Впрочем, Кант по этому поводу вряд ли бы расстроился...

Меланхоличный от природы, в шестнадцать лет он был-таки нормальным молодым человеком. Как всякий студент, он занимался репетиторством, играл в бильярд и карты на деньги, ничуть не комплексовал по тому поводу, что ему приходилось то и дело брать обувь у приятелей «взаймы»... Мог выпить.

Однажды, возвращаясь домой сильно подшофе, не смог найти Магистерский переулок (улицу в южной части Кнайпхофа), где тогда квартировал... Благо, по тогдашним правилам пьяный студент имел право спокойно спать там, где упал, – лишь бы успел завалиться где-нибудь сбоку от центральной улицы...

Холостяк, но не девственник

Покинув Альбертину, Кант в течение девяти лет служит домашним учителем в аристократических семьях. В третьем по счёту семействе – у графа Кейзерлинга – философ знакомится с блестящей графиней Кейзерлинг. Она о-очень интересуется философией. И особенно – молодым учителем.

В это время Иммануил Кант довольно привлекателен внешне. Он очень невелик (всего 157 сантиметров), но изящен. Как только у него появляются деньги, он покупает элегантную одежду. Он не стыдится своего тела... Трудно сказать, был ли он всерьёз увлечён графиней, но её – единственную из всех женщин, с которыми был знаком, – он рисует!..

Вообще же сексуальная жизнь Канта (вернее, отсутствие даже намёка на неё) вызывала любопытство уже у его современников. Яхманн – один из одобренных самим Кантом биографов – однажды поинтересовался: «Не имела ли счастье какая-либо особа внушить к себе вашу исключительную любовь и внимание?»

Кант не ответил. То ли не внушила. То ли не захотел об этом говорить.

Известный французский философ XX века Жан-Баптист Ботюль написал фундаментальный труд под названием «Сексуальная жизнь Иммануила Канта». Утверждая, что сексуальность Канта – это «королевская дорога, ведущая к пониманию кантианства».

Что ж, Кант, всю жизнь бывший холостяком, никогда не утверждал, что остался девственником. Зря, что ли, он говорил: «Каждый орган существует, имея в виду какую-то цель, которую он должен выполнять».

Ботюль утверждает, что Кант не был чужд чувственности. Известно, что философ, уже будучи глубоким стариком, просил, чтобы на званных обедах и ужинах рядом с ним непременно усаживали юную красавицу. Причём с правой стороны – на левый глаз он был уже слеп.

Господин профессор продолжает красиво одеваться. Как только у него появлялись деньги, Кант покупал треугольные шляпы, напудренные парики, кафтаны с золотым шитьём и пуговицами, обтянутыми шёлком, жилет и панталоны в тон кафтану, белые кружевные рубашки, серые шёлковые чулки, туфли с серебряными пряжками... Он считал, что «лучше быть дураком по моде, чем дураком не по моде». И терпеть не мог неопрятно одетых, а особенно беззубых (!) собеседников.

Сын шорника, он приобрёл изысканность и утончённость, пока учительствовал в аристократических домах, пусть даже расположенных в «медвежьих углах» Восточной Пруссии.

...Канту был 31 год, когда он вернулся в родной город. 12 июня 1754 года он получил степень доктора философии и осенью того же года начал читать лекции. Ещё раньше он опубликовал статьи в «Вохентлихен Кёнигсбергишен Фраг-унд Анцайгарс-Нахрихтен» – издании, которое на основании королевского распоряжения регулярно должно было печатать научные работы. Так что безвестным философом он уже не был. А на своей вступительной лекции (в квартире профессора Капке) с некоторым замешательством увидел не только битком набитую аудиторию, но и «невероятную толпу студентов» на лестнице. (В то время, а также значительно позже профессора читали лекции в своих квартирах.)

Интересное было время! Люди напряжённо искали смысл жизни. И готовы были платить тому, кто им в этом поможет. Кант занимался философией «в свободном полёте», подобно врачу или адвокату.

Русский подданный Иммануил Кант

Когда в 1758 году, в ходе Семилетней войны, Кёнигсберг был занят русской армией, Кант, как и другие горожане, присягнул в Кафедральном соборе на верность императрице Елизавете Петровне. Четыре года он был русским подданным, а офицеры русской армии посещали его лекции по фортификации и пиротехнике.

В числе его слушателей были Григорий Орлов, будущий фаворит Екатерины II, находившийся тогда в Кёнигсберге на излечении, Александр Суворов, ещё подполковник, навещавший отца, губернатора Василия Суворова...

Впрочем, русские офицеры ждали от Канта откровений не в области пиротехники. И уж тем более их привлекали не его «глубокие» познания в географии. (Кант весьма своеобразно представлял себе Россию: «Рыба белуга, обитающая в Волге, глотает большие камни в качестве балласта, чтобы удержаться на дне. <...> В монастыре Троице-Сергиевском и в районе Киева есть естественным образом не разложившиеся покойники, которых выдают за великомучеников. <...> Зимой в Сибири так много снега, что люди ходят, прикрепляя к ногам длинные доски. Табак там не только курят, но и жуют». И т. д., и т. п.)

Идеи Канта – вот что привлекало русских учеников. Немецкий философ сравнивал войну с дракой двух пьяных парней, размахивающих дубинками в магазине фарфора. Кант считал, что у человечества всего два пути: вечный мир как прекращение всех войн путём международных договоров – или вечный покой на всеобщем кладбище человечества.

И русские ученики преклонялись перед Кантом. С ним встречался Муравьёв-Апостол, отец будущих декабристов, с ним состояла в переписке президент Российской Академии наук графиня Дашкова...

Но, скорее всего, Кант оставался к ним глубоко равнодушен. «Дорогие друзья, друзей не существует!» – повторял он даже тем, с кем вроде бы был связан узами дружбы.

Чего уж тут говорить о любви! Пока Кант был молод, он был беден. Чтобы принимать клиентов, ему требовалось помещение. И тишина. Если бы он позволил себе влюбиться... или жениться... жену пришлось бы кормить-поить-одевать-обувать; дети, пронзительно крича, носились бы по коридору в то время, как в аудитории Кант своим слабым, еле слышным голосом пытался бы удержать внимание клиентов...

Крах! Катастрофа! И в первую очередь – финансовая.

Кант вряд ли кривил душой, говоря: «Когда мне могла понадобиться женщина, я был не в состоянии её прокормить, а когда я был в состоянии её прокормить, она уже не могла мне понадобиться». С бытовой точки зрения он долго, очень долго не мог назвать себя вполне устроенным человеком.

Петух, изгнавший философа

Кант сменил несколько квартир: на Магистерштрассе (на острове Кнайпхоф), рядом с Прегелем, ему нравилось всё, кроме шума, доносившегося с кораблей и барок. Он жил и вблизи Бычьего рынка (угол нынешней улицы Октябрьской и набережной Генерала Карбышева), и около Дровяных ворот (на противоположном Бычьему рынку берегу Прегеля).

Он довольно долго квартировал в доме книготорговца Кантера на Альт-штадтише Ланггассе (отрезок Московского проспекта от Эстакадного моста до памятника морякам-балтийцам). Этот дом, выстроенный в патрицианском стиле, отличался редкостной красотой. Квартира Канта располагалась в левой части мансарды.

Книготорговец Кантер был приятным в общении человеком, большим другом искусства и наук, в его книжной лавке, украшенной портретами учёных (в том числе и Канта), радушно встречали каждого образованного посетителя.

И вот из этого благословенного уголка Кант был изгнан... петухом соседа. Неугомонная птица (гласит исторический анекдот) очень рано начинала кукарекать, чем нарушала распорядок жизни философа. Однажды Кант не выдержал и попросил продать ему горластый «будильник». Он был готов заплатить любую цену, но... неосторожно проговорился, что петух нужен ему не в качестве еды, а только чтобы избавиться от раздражителя.

Сосед обиделся – и отказался продавать голосистую птицу. Вскоре Кант был вынужден съехать. Впрочем, по другой версии, ему досаждали остальные квартиранты.

Когда Кант обедал в гостинной, они часто и охотно присаживались к его столу. Кант терпел их общество, не демонстрируя своего недовольства. Однако он всегда следил за достойным поведением и приличными манерами своих непрошенных сотрапезников. И если кто-нибудь из них вдруг становился чересчур фамильярным или отпускал непристойную шутку, Кант немедленно вставал из-за стола и молча удалялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.